

TOPREADING.RU

ЧИТАТЬ ОНЛАЙН
БЕСПЛАТНО

**"Валентин Черных - Москва слезам не
верит"**

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Черных Валентин

Москва слезам не верит

Валентин Черных

Москва слезам не верит

Предисловие

Секрет власти над временем

Сравнительно недавно Валентин Черных ходил в молодых кинодраматургах. Сегодня он признанный мастер. Превращение не удивительное и нередкое, но требующее всякий раз понимания и объяснения.

Из множества обстоятельств, проясняющих своеобразие пути человека искусстве, в данном случае я выберу лишь одно - время. Обстоятельство на первый взгляд очевидное до банальности. Но дело в том, что у драматурга Черныха со временем отношения особые. Время для него не только средство промера пройденного, задуманного и осуществленного.

Скорее, сферическое зеркало, фокусирующее приметы сущности человека наших дней, ценности и противоречия его образа жизни, его потребности и убеждения. Потому-то Валентин Черных остро ощущает и свою и дела своего зависимость от времени. Зависимость не обидную, не уничижительную. Зависимость, порождающую творческий азарт, желание обрести над временем власть, чтобы выяснить истину, найти ответы на вопросы, каждый миг вечные и вечно актуальные. Вопросы, навеянные раздумьями о способности человека сегодняшними решениями и поступками определять, формировать будущее. Свое в первую очередь, но не только свое. Об этом, в сущности, все сценарии и пьесы Валентина Черныха. Об этом же и его повесть для кино "Москва слезам не верит".

Удалось ли драматургу добиться желаемого, обрел ли он власть над временем?

Думаю, сам Черных ответит на такой вопрос отрицательно, не кокетничая скромностью при этом. Знаю, что он частенько тяготится неторопливостью современного кинопроизводства, "переваривающего" сценарий в лучшем случае года три. Постоянно "за бортом" готового фильма оказывается, по его мнению, многое важное из нажитого, передуманного и прочувствованного. В подобной позиции меньше всего неуверенности (пусть даже требовательностью к себе порожденной), больше - доброй жадности гражданской и художественной, жадности познания удивительного и сложного мира дел, страстей, отношений человеческих, персонифицирующих, фиксирующих быстротекущее время.

Право же, нет у драматурга Черныха оснований для неуверенности! В споре со временем он достаточно силен и становится все более сильным от работы к работе. Герои, им представленные в разные годы не уходят в Лету, не забываются, прочно занимают свое место в нашем духовном обиходе.

Председатель колхоза Семен Бобров ("Человек на своем месте"), социолог Петров (герой фильма "Собственное мнение" и пьесы "День приезда день отъезда"), слесарь Шилов (пьеса "Превышение власти"), а вот теперь директор Катерина Тихомирова и рабочий Георгий ("Москва слезам не верит") - все они не только персонажи, интересные степенью своеобразия, открытого в них драматургом. Они - новое представление о человеческом типе, временем

сформированном. Типе, который в произведениях В. Черных обретает с годами все большую ясность. Стало быть, и у писателя да и у нас. читателей зрителей, есть время подумать, поспорить, переосмыслить, в случае необходимости, уже открытое и зафиксированное экраном или сценой, применить мысли, возникшие в ходе обсуждения одного произведения, к тем, что появляются и проявятся ему вослед.

Секрет власти над временем в той определенности и увлеченности, с какими В. Черных защищает и утверждает героя, близкого ему, любимого им. Впрочем, близкого (интересного, во всяком случае) не только самому автору. Иначе не объяснить всегда широкий общественный отклик, сопутствующий его фильмам. Нет нужды скрывать; отношения зрителей и критики к работам драматурга неоднородны и подчас отмечены оттенком неприятия, недоумения. Это отчетливо сознает и сам Черных. Однажды в беседе за "круглым столом" журнала "Искусство кино" он даже решил объясниться по этому поводу: "Меня уже достаточно упрекали за то, что мои герои действуют "без страха и упрека", с "весельем и отвагой победителей". Но я считал и считаю, что герой должен нести заряд социального оптимизма. Кому нужно искусство, если оно не вселяет надежду?"

Разговор в редакции происходил почти два года назад - по горячим следам фильма "Собственное мнение". Еще не был опубликован сценарий "Москва слезам не верит". Режиссер В. Меньшов лишь приступил к работе над будущим фильмом, которому суждена была чрезвычайная популярность.

Тогда мне показалось уместным дать на страницах журнала совет драматургу. Совет изжить в его излюбленном герое такие черты, как бравада например, прибавить ему душевной деликатности и т.п. Совет неопровержимый, казалось бы, полезный в любом случае.

Но дело-то как раз в том, что в искусстве, настоящем искусстве, любого случая быть не может. Все случайное, мимолетное, вроде бы без труда изменяемое и исправляемое, оказывается при внимательном рассмотрении предопределенным тем ракурсом взгляда на жизнь и на человека, который избирает художник, ведомый в свою очередь социальной интуицией, гражданским и нравственным опытом. Сказанное не зачеркивает необходимости и пользы советов и критических споров для В. Черных, который прошел пока малую часть пути, уготованного ему судьбой как мастеру. Уверен даже, что и сделанное уже не дает в полной мере оснований для законченного представления о нем как о писателе. Почему-то режиссеры, ставящие сценарии и пьесы драматурга, "веселье и отвагу" его героев обязательно стараются воплотить в таких жанровых приемах и приметах, которые порождают в фильмах и спектаклях этакую комедийную бодряческую интонацию. А ведь написанное В. Черныхом можно, по-моему, интерпретировать иначе: жестче, апаитичнее, что ли, попридерживая стремительное "лихое движение" сюжетов. Тогда очевиднее бы стала серьезность проблем, на приступ которых идут победительные герои.

Тут нет противоречия. Именно мужественное, открытое отношение к сложности жизни помогает драматургу по-особому ценить в современнике своем как раз те качества, которые другим представляются спорными. Только для того, чтобы спор оказался плодотворным, не нужно, оговариваясь вновь, распространять на персонажей В. Черныха представление о современном герое вообще. Впрочем, правомерны ли эти общие, на века скроенные представления в наше время, время масштабных и динамичных общественных и социальных перемен, закономерности которых причудливо и многолико отражаются в калейдоскопе судеб и явлений, образующих истинную емкость понятия современный человек. Ракурс взгляда на него, предпочитаемый В. Черныхом, дает обзор не всеобъемлющий, но позволяет увидеть многие горячие точки на социологической карте жизни нашего народа. В упомянутом уже собеседовании он сам очертил сектор своего внимания вполне наглядно: "Каждый писатель

разрабатывает свой пласт жизни. У меня ни в сценариях, ни в пьесах нет героя коренного москвича... Я начинал свою московскую жизнь на юго-западе, в новом микрорайоне, а до этого жил в деревне, в малых и средних российских городах. Я знаю эту жизнь и этих людей лучше, чем Москву и москвичей, и пишу о них. У нас в стране произошло "великое переселение народов". Впервые городского населения стало больше сельского, то есть сегодня каждый третий горожанин в очень недавнем прошлом - сельский житель или житель маленького городка, в общем провинциал, как говорили раньше. Так вот, этот провинциал за пятнадцать-двадцать лет успевает получить высшее образование, занять положение в сфере, в которой он работает или служит, получить или построить квартиру, обзавестись семьей. Все это дается ему с большим трудом, ему приходится тратить на достижение этих целей энергии во много раз больше, чем коренному горожанину. Но это вживание выковывает крепкие характеры".

Не правда ли, точный и дельный авторский комментарий, дополняющий наше восприятие наиболее известных, программных произведений В. Черныха? Объясняющий, в частности, интерес к фильму "Москва слезам не верит", хотя и не отменяющий иных, не менее весомых, объяснений последнего успеха драматурга и других создателей фильма. Вспомним хотя бы многократно повторенную в газетных рецензиях и письмах зрителей констатацию мотива неизбежной жажды личного счастья, не покидающей людей и с крепким характером и достойным служебным положением. И, конечно же, непредсказуема множественность нравственных уроков, извлеченных зрителями разного возраста и разной жизни из сопоставления трех женских судеб, образующих сюжетное русло сценария.

Нет нужды пересказывать эти судьбы еще раз. Без сомнения, каждый, кто видел фильм, несомненно запомнил Катерину Веры Длентовой, Людмилу Ирины Муравьевой, Тоню Раисы Рязановой и, конечно, Гошу Алексея Баталова.

По своему опыту знаю, сколь интересно после фильма обратиться к сценарию. Не для сравнений, теперь запоздалых. Но для раздумий о таинстве рождения образа, для углубления своих представлений о свершившемся и о возможном в знакомом фильме.

Когда я перечитываю этот сценарий и тоже в который раз спрашиваю себя: "Что же сделало фильм, по нему поставленный, столь крупным, столь обсуждаемым явлением нашего современного кинематографа?", то, признавая объяснения, на которые ссылался, уже более всего думаю о реплике драматурга-об искусстве, населяющем надежду".

Не случайно в коротком предисловии многократно употреблено слово спор в связи с героями В. Черныха. Знаю, спор этот продолжается (с новой даже силой) и после выхода в свет фильма "Москва слезам не верит". Это естественно. Наивно было бы видеть в повальном внимании к фильму лишь благостное согласие зрителей с его авторами. Но спор и в этом случае самое веское подтверждение обретения писателем власти над временем. Стало быть, удалось ему нащупать важный нерв современной общественной жизни, втягивающей в свою орбиту личные судьбы многих и многих "обыкновенных" людей. Удалось разбередить желание подумать над непростым устройством того, что называем мы повседневностью, в которую трудно порой "вживается" человек. Но "вживается" обязательно, В этом - социальный оптимизм произведений В. Черныха. В этом - первоисток "веселья и отваги" его героев, которые от сценария к сценарию, от пьесы к пьесе становятся сложнее, многограннее. Становятся, главное, все более неординарными в своем представлении о счастье и о путях его достижения.

Армен Медведев

"Москва слезам не верит"

И было ей тогда семнадцать лет. Была она с тонкой талией грудь распирала узкую кофточку, бедра уже округлились. И парни, несущиеся к станции метро, оглядывались на нее.

Она шла, чуть покачиваясь под тяжестью чемодана. Один из парней попытался ей помочь, но она молча отвела его руку.

У входа на эскалатор она протянула контролеру билет (тогда еще не было турникетов), и поставленный чемодан мешал всем пассажирам, ей самой, контролеру. И она получила все причитающееся по этому поводу; "дура", "телка", "соображать надо".

Потом она ехала в вагоне метро. Перехватив взгляд сидящего напротив мужчины, она поспешно одернула юбку, хотя этого вымотанного усталостью человека она ни в коей мере не интересовала, он просто тупо смотрел, борясь со сном.

Потом она ехала в переполненном автобусе. На каждой остановке автобус все уплотнялся, и ее отжимали от дверей в середину салона.

- Водоканал! - объявила кондуктор (тогда еще были кондукторы). Это была ее остановка.

Она бросилась назад. Задние двери были все-таки ближе, но плотная стена из мужских спин не сдвинулась. Она попыталась протиснуться вперед, но и здесь ее постигла неудача, тогда она выставила чемодан: фибровый, жесткий, с металлическими набивками на углах. Она вдавила эти углы в спины, и спины мгновенно раздвинулись.

Вскрикнула женщина, чертыхнулся мужчина, но она все-таки пробила себе путь и вывалилась наружу.

Захлопнулись двери автобуса, оборвав возмущенные крики, автобус отошел, и она осталась на остановке.

Впереди возвышался микрорайон. Скопище пятиэтажных и девятиэтажных панельных домов тогда еще было в новинку даже для москвичей. В Москве только начиналась эра типового блочного строительства.

Она подошла к бесконечно длинному пятиэтажному зданию, из раскрытых окон которого неслась музыка и песни. И музыка и исполнители были в основном еще отечественными. Пели про валенки про красную розочку, про землю целинную, про любимые Ленинские горы.

В комнате, куда направилась моя героиня, жили две девушки. Сразу назову их имена: Антонина и Людмила.

Антонина - плотненькая, аккуратная, такие почти всегда пользуются успехом, и если кто решит жениться, лучше не найти: и не красавица, можно быть спокойным за семейную жизнь, и без заметных недостатков, с такой не стыдно на людях показаться. Сейчас Антонина гладила.

Людмила лежала на кровати, задрав на спинку великолепные, редкостные по красоте ноги. И вообще она была самой красивой среди присутствующих. Она лежала, накинув на себя простыню, и под простыней угадывались чуть выпуклый живот и очень выпуклая грудь, плечи и ноги угадывать было не надо, они были открыты.

Итак, героиня вошла в комнату и поставила чемодан у дверей. Ее звали Катериной.

- А, завоевательница, - прокомментировала Людмила.

- Завалила? - жалостливо поинтересовалась Антонина.
 - Завалила, - ответила Катерина.
 - Ничего, - утешила Антонина. - Не в этот, так в следующий раз получится.
 - Как у тебя получилось, - вставила Людмила.
 - Я не способная.
 - Ты просто дура.
 - Не всем же быть умными, - беззлобно ответила Антонина.
 - Ну а как твой электрик? - поинтересовалась Людмила. - Ты с ним уже переспала?
 - Он не такой, как ты думаешь, - ответила Антонина.
 - Понятно, - сказала Людмила. - У него, значит, что-то не в порядке.
 - У него все в порядке. Но он скромный и обходительный. Сама увидишь. Он скоро зайдет за мной, и мы пойдем на концерт.
 - "На концерт" .. - передразнила Людмила. - Тетеха! Три года в Москве живешь! В концерт!
 - А он не женат? - спросила Катерина.
 - Я не знаю, - призналась Антонина. - Вроде не женат.
 - А ты прямо спроси, - сказала Катерина.
 - Неудобно. Он же меня не спрашивает, замужем я или незамужем.
 - А это по тебе и так видно.
 - Ты бы хоть оделась, - сказала Антонина. - Голая ведь почти. Неудобно.
 - Кому неудобно? - спросила Людмила. - Мне удобно.
- И тут постучали в дверь,
- Входи, - сказала Людмила.
- В комнату вошел громоздкий царень лет двадцати пяти.
- Извините, - сказал он и попятился к двери.
 - А ты всегда такой стеснительный? - спросила Людмила и сделала попытку встать.
- Парень ошалело на нее посмотрел и захлопнул дверь.
- Ну и что? - спросила торжествующая Антонина, - Съела?
 - Да, - протянула уничижительно Людмила. - И стоило тебе в Москву ехать! Такого ты и в деревне могла найти.

Не обращая внимания на ее слова, Антонина торопливо переодевалась.

- Не суетись, - сказала Людмила. - Раз пришел - дождется.

Вечером Людмила и Катерина шли по улице Горького. Шли мимо витрин магазинов, в которых искрились золотые и серебряные украшения, медленно поворачивались спортивно-худосочные манекены: женщины а ярких платьях, мужчины в строгих вечерних костюмах. Проходили мимо книжных, винных, колбасно-сырных, меховых, обувных, табачных витрин.

Катерина задержалась было у витрин магазина телевизоров. На телевизорах можно было посмотреть две программы, но Людмила ушла вперед, и Катерина, боясь потерять ее в толпе, бросилась следом.

А мимо них и навстречу им шли люди. Девушки в модных широких юбках, молодые люди с яркими галстуками.

Проход наших знакомых не остался незамеченным. К ним направились двое парней с расстегнутыми воротниками и закатанными рукавами белых рубашек.

- Эй, девчонки! - начал один из них бодро.

- Топайте, топайте, - отбрила их Людмила.

- Ты чего так строго? - спросила ее шепотом Катерина. - Ребята вроде ничего.

- Вот именно ничего, - ответила Людмила. - Деревня, вроде нас. Лимитчики, за версту видно. Одним словом - шалопунь! Это все ненастоящее.

- А что настоящее? - заинтересовалась Катерина.

- Как-нибудь покажу, - пообещала Людмила.

Потом они стояли у аргентинского посольства. Через усилители по улице разносился рокочущий бас.

- Машину боливийского посла к подъезду!

Мягко подкатил приземистый, почти распластанный по земле "Форд". Из подъезда вышел темноволосый господин с высокой гибкой женщиной в платье из серебристой парчи. И снова разносился бас.

- Машину военно-морского атташе, командора... Далее следовала очень непонятная, довольно длинная фамилия.

- Как, как его фамилия? - не поняла Катерина.

- Фамилия не имеет значения, - отмахнулась Людмила.

Она наслаждалась блеском никеля на машинах, драгоценностей на женщинах, сверканием орденов на мундирах.

- Вот это настоящее, - вдруг сказала Людмила.

- Что - настоящее? - не поняла Катерина.

- Все это.

- Ну да, - не согласилась Катерина. - Я недавно в оперетту ходила. Там точно такие мундиры и платья показывали.

- Ну и дура же ты, - заключила Людмила.

А к подъезду подкатывали все новые и новые автомобили, в них садились мужчины и женщины. Солидные мужчины и женщины, а некоторые совсем еще юные, как Катерина и Людмила.

И сразу после блестящего дипломатического разъезда мы увидим Катерину в цехе завода металлической галантереи.

В цехе стояли десятки прессов, за которыми сидели десятки таких же молодых, как Катерина, девушек.

Работа была нехитрая; положить заготовку, снять, снова положить и снова снять. Катерина штамповала основания для подсвечников, которые в то время начинали входить в моду.

Неожиданно пресс начал корезить заготовку. Катерина отключила станок от сети и полезла в его внутренности.

За ее манипуляциями наблюдал Петр Кузьмич Леднев - начальник цеха, которого все звали Кузьмичом.

Пресс снова заработал. Кузьмич подошел к Катерине.

- Сама, что ли, разобралась? - спросил он,

- Чего тут разбираться? - отмахнулась Катерина. - Мы в школе комбайн изучали, он и то сложнее.

И Катерина продолжила работу.

Кузьмич устроил разнос начальнику участка, молодой затюканной женщине, которая достаточно проработала на производстве, чтобы уяснить простую истину, что лучший способ защиты - нападение.

- Где эти слесари, где? - напирала она. - Или пьяницы, или бездельники. Что я могу сделать, если девчонки к ней бегут, а не к слесарям? Если хотите знать, она в электросхемах не хуже наладчиков понимает.

- А я чего, я ничего, - сказал Кузьмич.. - Значит, надо ее в наладчики готовить.

- Зарабатывать будет меньше.

- Стимулируй морально. Чаще хвали. Не первый год с бабами работаешь, знаешь сама, не похвалишь - не поедешь.

- К этому бы еще станки новые.

- Ну, с новыми станками и никакого руководства не надо. А эту девчонку держи на заметке, -

посоветовал Леднев.

Постучав, в комнату вошел Николай.

- Здравствуйте, - пророкотал он.

- А я готова, - Антонина с опаской взглянула на Людмилу, как бы та чего не сказанула. - До понедельника, - предупредила Антонина подруг.

- Давай-давай, погни спину на чужих дачах, может, тебе и зачтется, прокомментировала Людмила.

- Побрякушка, - охарактеризовал ее Николай,

- А ты жлоб, - не осталась в долгу Людмила.

- Ну что ты к ним цепляешься? - сказала Катерина, когда Антонина и Николай вышли. - У них же серьезно,

- Да уж серьезнее некуда, - ответила раздраженно Людмила. - Тоска меня берет. Сами себе дуры хомут выбирают. Разве это жизнь?

- А почему не жизнь? - удивилась Катерина.

- А потому не жизнь, что все заранее известно. Вначале будут откладывать деньги, чтобы телевизор купить, потом гарнитур, потом холодильник, потом стиральную машину. Все, как в Госплане, на двадцать лет вперед известно.

- А какая может быть другая жизнь? - спросила Катерина.

- Эта дура не может понять одного: она живет в Москве. А это большая лотерея. Можно выиграть сразу. Москва - это... это дипломаты, внешторговцы, ученые, художники, артисты, писатели, и почти все они мужчины.

- Ну и что? - Катерина никак еще не могла понять,

- А мы женщины.

- Ну и что? А мы-то зачем нужны этим артистам и писателям? У них свои женщины есть.

- А мы не хуже ихних, - заявила Людмила.

- А потом, где их, этих дипломатов и художников, встретишь? - трезво рассудила Катерина. - Они у нас на заводе галантереи не работают.

- Во! - удовлетворенно заявила Людмила. - Ты смотришь в самый корень. Главный вопрос: где найти? Это я тебе объясню в следующий раз, А найти можно и, главное, надо!

А пока по воскресеньям Катерина осваивала Москву в одиночестве. Она шла мимо Кремля, разглядывая такие знакомые кремлевские башни,

Потом она шла по Большому Каменному мосту через Москву-реку.

Она свернула с набережной в переулок и оказалась в Третьяковской галерее.

Пораженная, стояла Катерина у "Трех богатырей", потом у "Аленушки". Знакомые с детства по репродукциям картины были большими и настоящими.

Даже в музей люди ходили парами: он и она. Катерина была одна. На нее с интересом взглянул молоденький солдат, и он ей вроде бы понравился, но солдат не решился заговорить, и Катерина перешла в следующий зал.

А вечером Катерина как бы между прочим сказала Людмиле:

- С завтрашнего дня я в другом месте жить буду.

- Как это? - не поняла Людмила.

- У дальних родственников. Я, как приехала из деревни, жила у них немного. А сейчас они на юг едут, отдыхать, просят за квартирой проследить. Между прочим, у них фамилия тоже Тихомировы. Профессор из наших Бодренков, давно только в Москву приехал. Отказаться неудобно.

- Ни в коем случае не отказывайся. Мы там поселимся вместе. - заявила Людмила.

Ехали они до метро Краснопресненская. Профессор жил в высотном доме на площади Восстания.

Зеркальный лифт размером с небольшую комнату вознес их на двадцать первый этаж.

Коридор, куда выходили двери квартиры, по размерам не уступал станции метро.

И квартира была гигантская.

Старик профессор кивнул им, продолжая укладывать вещи в чемодан. А Катерина вступила в переговоры с профессоршей, средних лет женщиной.

- Значит, как и прежде, на тебе цветы, собака, выемка почты. Мы вернемся к ноябрьским праздникам.

- А можно, чтобы и Людмила поселилась? - попросила Катерина. - Вдвоем все-таки повеселее.

- Она аккуратная? - поинтересовалась профессорша.

- В высшей степени, - заверила Катерина.

И Людмила и Катерина поселились в высотном доме. Обязанности были минимальными; два раза в день выгулять собаку, полить цветы и достать почту.

В то субботнее утро все эти обязанности были выполнены, и Катерина, устроясь на диване, просматривала картинки из многочисленных журналов мод.

А Людмила за профессорским письменным столом составляла список. Закончив эту работу, она заявила:

- Завтра устраиваем прием!

- Ура! - подхватила Катерина. - Позовем всех девчонок!

- Нет, - сказала Людмила. - Будут художники, телевизионщик, поэт, хоккеист из второй сборной и так - по мелочи, парочка инженеров.

- И они придут? - усомнилась Катерина.

- Прибегут, - заявила Людмила. - Только одно условие: ты не штамповщица с завода галантереи, а я не формовщица с шестого хлебозавода.

- А кто же мы? - спросила Катерина.

- Мы - дочери профессора Тихомирова, Я - старшая, ты - младшая. Я в прошлом году закончила медицинский институт и работаю психиатром в Кащенко, ты - студентка химико-технологического института.

- А зачем? - спросила Катерина. У нее рано устоялась привычка задавать прямые вопросы.

- Понимаешь, - оживилась Людмила, - это повышает интерес мужчин. Лучше бы, конечно, ты была студенткой текстильного института, будущей, так сказать, художник-модельер. Это престижно, женщина всегда элегантно одета. Мужчины любят, когда у женщин интеллигентная профессия. Все мы бодем, и домашний доктор не помешает. Учительница музыки. Интеллигентно, и всегда можно развлечь гостей, и все-таки кое-какие деньги в дом принесет. Плохо котируются инженерши-строительницы. Грубая работа, и женщина грубеет. Какое-нибудь НИИ - уже другое дело. Будущий художник-модельер, конечно, интереснее, но боюсь, что без подготовки ты не справишься.

- А ты как психиатр справишься?

- Мне проще, - отмахнулась Людмила, - Я ведь до хлебозавода санитаркой в психбольнице работала. У меня миллион забавных историй из жизни психов. Кое-какие термины я знаю, и, в общем, я слежу, если что в психиатрии появляется, я почитываю. Пойми, главное - вызвать первоначальный интерес к себе.

- Но потом же все равно раскроется, что ты никакой не психиатр и живешь в общежитии на Водоканале, работаешь на хлебозаводе.

- А как раскроется? - спросила Людмила. - Во-первых, я могу поспорить со своим папочкой-профессором, потом, я хочу жить отдельно от родителей, поэтому я переселяюсь к нему. Попробуй определи - куда я езжу на работу. А когда я ему детей нарожаю, какая разница - где я когда-то работала,

- Нет, мне это не нравится, - заявила Катерина.

- Как хочешь. - Людмила не давила. - Я тебя представлю как свою знакомую. Пожалуйста. Будь штамповщицей. Может, переспать с тобой и захотят, но интереса не вызовешь. Возиться, учить тебя еще надо, культурные навыки прививать.

- А их все равно надо прививать, - сказала Катерина. - Какая я профессорская дочка, я всю жизнь в деревне прожила, это даже и без бинокля видно.

- Ты не права, - не согласилась Людмила. - Человека выдают два обстоятельства: если он неправильно ставит ударения в словах, а у тебя с этим нормально, все-таки десятилетка, и когда задает глупые вопросы. Так ты больше помалкивай.

- Глупых вопросов я не буду задавать, - согласилась Катерина. - Но не буду же я молчать, если меня о чем-то спросят. Вот тут-то я и ляпну.

- И ляпай, - сказала Людмила, - Но ляпай уверенно. Это называется точкой зрения. Все говорят - это плохо, а ты говори - нет, это хорошо! Точка зрения! И главное-быть естественной. Вот я хамовата, правда?

- Это есть, - согласилась Катерина.

- А у них это называется эксцентричностью. На том и стою.

- А на чем мне стоять? - спросила Катерина.

- Тебе? - Людмила задумалась. - Ты должна бить в лоб.

- Как? - не поняла Катерина.

- У тебя есть особенность. Ты все слушаешь, слушаешь, а потом прямо в лоб задаешь вопросы. И почти всегда точно. Это, я бы сказала, свойство мужского ума. И ничего. Будь такой. Некоторым мужикам даже нравятся такие женщины.

- Нет, - подумав, сказала Катерина, - сколько ни притворяйся, лучше, чем есть, не будешь. Да и обманывать противно.

Гости расхаживали по гостиной, когда Людмила ввела Катерину и представила.

- Моя младшая сестра!

Все смотрели на Катерину.

- Меня зовут Катериной, - сказала Катерина.

- Здравствуй, Кэт, - приветствовали ее.

Все смотрели на Катерину.

- Меня зовут Катериной, - сказала Катерина.

- Здравствуй, Кэт, - приветствовали ее.

- Не Кэт, а Катерина, - сказала Катерина.

Людмила с некоторым беспокойством следила за реакцией гостей.

- Тогда, может быть, Екатериной, чтобы было вполне официально, народно и по правилам? - спросил ее длинноволосый парень.

- Если по правилам, то Катерина. Так у меня записано в паспорте. Отец неделю убеждал начальника милиции, что глупо писать Екатерина, когда девку все будут звать Катькой. Вы что хотите, чтобы я и вас неделю убеждала в этом?

- Не хотим! - крикнули ей, - Хотим есть и пить!

Гости рассаживались за столом. Высокий молодой человек, светловолосый, голубоглазый,

модно одетый, отодвинул стул, помогая сесть Катерине, улыбнулся ей.

- Рудольф Рачков, - представился он мимоходом и начал накладывать Катерине салаты.

Их взгляды встретились, он был красив: элегантен, хорошо подстрижен, совсем как с фотографии журнала мод, и Катерина вдруг опустила глаза.

Потом, как и принято на вечеринке, танцевали. Людмила - с молчаливым молодым человеком, хоккеистом Гуриным, Катерина - с Рудольфом.

- А где вы работаете? - спрашивала Катерина.

- На телевидении.

- Это, наверно, ужасно интересно?

- Это действительно интересно, - искренне сказал Рудольф. Телевидение сегодня приобретает возможности неисчерпаемые. Понимаете, всегда очень важно точно сориентироваться. Скажем, когда начиналась авиация, надо было вовремя начать именно с авиации. Тогда авиаторы были героями. Или атомная физика. Те, кто вовремя пришел в физику, сегодня имеют все. Тех, кто начал заниматься космонавтикой десять лет назад, никто не знал, сегодня их знает весь мир. Телевидение сегодня у самых истоков, но будущее принадлежит ему.

- А вы что-нибудь кончали? - спросила Катерина.

- А кончать пока нечего, - объяснил Рудольф. - Еще никто не готовит таких специалистов. Но у нас будет со временем все. И вообще телевидение перевернет жизнь человека. Не будет газет, книг,

- А что же будет?

- Телевидение. Одно сплошное телевидение. Кстати, вы были на телецентре?

- Конечно, не была.

- А приходите прямо завтра.

- А как?

- Я вам выпишу пропуск.

Рудольф встретил Катерину в проходной на Шаболовке. Это был удивительный вечер в жизни Катерины. По коридорам шли известные дикторы и дикторши. Две красивые, нарядные, правда не очень молодые, женщины куда-то вели настоящего маршала.

Рудольф вел передачу Клуба веселых и находчивых - КВН. И он нашел Катерине место в первых рядах зрителей. На сцене соревновались в остроумии, и она все это видела... Правда, отвлекала женщина, стоящая в углу сцены и время от времени поднимавшая плакатик с надписью "Аплодисменты". В это время надо было аплодировать.

Катерина видела Рудольфа за телекамерой. Он стоял в наушниках, спокойный, элегантный, на виду у всего зала и нисколько не смущался.

Она не знала, что Рачков несколько раз предлагал режиссеру ее крупный план и что

режиссеру понравилась эта так непосредственно реагирующая девушка. Катерина и не предполагала, что ее увидит вся страна.

Катерина ворвалась в квартиру, потрясая письмами.

- Меня видели дома по телевизору. Меня видела вся страна! - Катерина закружилась по комнате.

- Молодец, - сказала Людмила. - Теперь остались только Америка и Китай, и ты в полном порядке.

Растрепанная Людмила курила на диване.

- Ты представляешь, за это время я увидела столько знаменитостей, что другой не увидит и за всю жизнь, - радовалась Катерина.

- Видеть - не проблема, - мрачно прокомментировала Людмила. - Кого только в Москве не увидишь! Проблема - их ощущать рядом, в постели, лучше на законном основании, со штампом и пропиской в паспорте. А моя знаменитость, кажется, улечивается.

- А что случилось? - спросила Катерина,

- Моего нападающего не переводят в сборную, а, наоборот, задвигают в Челябинск. Неперспективен, предложили перейти на тренерскую работу.

- Но он же тебе делал предложение?

- Ои и сейчас делает. А может, он еще и тренер никакой? А потом, что я буду делать в Челябинске? Тут сразу все откроется. Новое место, надо устраиваться на работу. Санитаркой, что ли? Это тебе не Москва, там все на виду. Ладно, Будем думать. Что у тебя?

- Сегодня он представляет меня родителям. Боюсь ужасно. А если не понравлюсь?

Рачковы жили в новом блочном доме в двухкомнатной малогабаритной квартире. Кроме отца и матери, был еще маленький брат, который, поев, молча направился в другую комнату.

- А спасибо где? - спросила Рачкова-мать.

- Надоело, - буркнул мальчик.

- Что значит - надоело?

- Перестань, - сказал Рачков-отец.

Ребенок удалился непобежденным. Рудольф снисходительно улыбнулся. Он был выше этого.

- А кем вы будете после окончания института? - поинтересовалась Рачкова.

- Химиком-технологом.

- А ваш папа знаменитый химик Тихомиров? - спросила Рачкова.

- Это он знаменитый, я здесь ни при чем, - ответила Катерина.

Над ответом посмеялись.

- А наш обалдуй не учится, - зачем-то сказал Рачков-отец, - Катает тележку с объективом,
- Зачем же так? - сказала Рачкова. - Он хороший телеоператор. Будет учиться заочно, когда создадут институт телевидения.
- А если не создадут? - спросил Рачков-отец. - И вообще это не профессия, а барахло.
- А вы кем работаете? - поинтересовалась Катерина.
- Я - токарем, рабочий класс, а они интеллигенция. Про него ты и сама знаешь, тележку катает, а она директриса детского сада. Но ее скоро оттуда попрут.
- Это почему же? - спросила Рачкова.
- А потому что у тебя среднее педагогическое, а у твоих подчиненных высшее. Как ни интригуй, все равно обойдут.
- Может, мы переменим тему разговора? - сказал Рудольф.
- А чего менять? - удивился отец. - Ты привел Катерину с нами познакомиться, так пусть и знакомится.

Людмила пылесосила квартиру.

- А когда они приезжают? - спросила Катерина. - Завтра?
- Завтра.
- Ты можешь сегодня переночевать в общежитии? - спросила Катерина.
- Это почему же?
- Рудик говорит, ну... что это мы все втроем да втроем.
- Ладно, - сказала Людмила.
- Я хочу поговорить с ним откровенно.
- Поговори, поговори...

Катерина и Рудольф остались вдвоем.

Они сидели за маленьким столиком. Были зажжены свечи. Рудольф разлил вино.

- За тебя!
- За тебя, - сказала Катерина.
- Прекрасно, - сказал Рудольф.
- Что? - спросила Катерина,
- Все это. Книги. Высокие потолки. Здесь можно жить и радоваться.

- У вас тоже хорошая квартира, - сказала Катерина,

- Барахло, - отмахнулся Рудольф. - За тебя!

- За нас! - сказала Катерина.

Катерина включила проигрыватель. Зазвучала музыка. Они танцевали в громадной квартире, переходя из комнаты в комнату...

А на следующий день постоялицы сдавали квартиру хозяевам. Профессорша проводила пальцем по шкафам, по корешкам книг, по подоконникам. Пыли не было.

- Ладно, - сказала она. - Принимаю,

Тихомиров уже углубился в изучение накопившейся корреспонденции и помахал девушкам на прощание.

Катерина и Людмила взяли в передней приготовленные чемоданы и поехали вниз в громадном зеркальном лифте.

- Все Рудольфу рассказала? - спросила Людмила.

- Не получилось, - призналась Катерина. - Подходящего момента не нашла... Что же теперь будет-то?

- Ничего не будет, - сказала Людмила. - Если нам будут звонить, их домработница Петровна все запишет. Она из деревни завтра придет, и мы с ней договоримся. А если что-то срочное, она звонит вахтерше в общежитие, а та нам передает. Не вешай носа. Как говорил один древний: битва не проиграна, пока полководец не отказался от сражения. - И Людмила, подхватив чемодан, бодро зашагала к метро.

Рудольф провожал Катерину. Она остановилась у подъезда высотного здания. Катерина взглянула на часы. Был первый час ночи.

- Я чего-то не понимаю, - заговорил Рудольф. - Я звоню, а тебя все время нет.

- Я занята в студенческом научном обществе. Мы ставим интересный опыт, приходится задерживаться. И пожалуйста, не звони так часто. Это нервирует отца, он пишет книгу. Лучше я сама тебе буду звонить. Извини, мне пора.

- Может быть, ты разрешишь мне подняться? - спросил Рудольф, - У тебя же отдельная комната.

- Не сегодня, - сказала Катерина и вошла в подъезд.

Она поднялась на лифте, постояла в холле, потом поехала вниз. Из подъезда она вышла с предосторожностями и, убедившись, что Рудольфа нет, бросилась к метро.

Уже подбегая к метро, она увидела Рудольфа, который стоял у самого входа и курил.

Катерина бросилась обратно. Было уже без двадцати час. Катерина стояла за углом киоска, ожидая, когда Рудольф войдет в метро. Когда он ушел, она еще несколько секунд подождала и только тогда осторожно вошла в метро.

В общежитии были все в сборе.

- Все, - сообщила Антонина радостно. - Съезжаю. Сегодня мне сделали предложение. - И она закружилась по комнате.

- А я беременна, - вдруг сказала Катерина,

- Так, - сказала Людмила. - Только этого нам и не хватало. Когда это случилось?

- Тогда, - сказала Катерина. - В последний раз.

- Значит, почти три месяца, - тут же высчитала Людмила. - Он знает?

- Нет, - сказала Катерина, - Как же я ему скажу?

- Так и скажешь.

- А про все остальное? Я совсем завралась и запуталась.

- Ничего, - утешила ее Людмила. - Постепенно распутаетесь. Пусть вначале женится, потом расскажешь ему всю правду. Если любит - простит.

- А если не простит? - спросила Катерина. - Я не хочу начинать семью с обмана. Противно все. Никогда, никогда больше не буду врать. Никому, никогда.

- Тогда выложи все начистоту.

- И выложу,

- Девочки, а ведь это очень серьезно, - вдруг сказала Антонина. Делать ведь что-то надо.

На территорию завода металлической галантереи въехали автобусы ПТС передвижных телевизионных станций.

Выкатывались телекамеры, похожие на средних размеров пушки, сходство увеличивали длинные насадки-объективы. Камеры расставляли в цехах, среди телеоператоров был и Рачков.

Катерина на автокаре везла со склада реле для остановившейся полуавтоматической линии. Она увидела ПТС и забеспокоилась. Конечно, маловероятно, чтобы среди телевизионщиков оказался Рачков, но все-таки она поставила автокар за углом цеха и прошла в комнатку, где обычно собирались наладчики.

- Тебя ищет Кузьмич, - передали ей. - Давай срочно, раза два уже присылал.

Катерина недоуменно пожала плечами, но все-таки прошла к начальнику цеха. С начальником цеха разговаривала высокая красивая женщина средних лет.

- Вот она, - представил Катерину Кузьмич, как только та появилась в дверях его кабинета. - Поверьте мне, эта девчонка далеко пойдет, у нее уже сейчас инженерное мышление.

Женщина подошла к Катерине и бесцеремонно ее оглядела.

- Заменить косынку, - сказала она. - Расстегнуть ворот кофточки. - И сама расстегнула ей ворот.

- Ну-ка, пройдишь, - скомандовала она. Катерина сделала несколько шагов. - Ножки у нее ничего... Подберите халатик покороче.

- Это режиссер, - шепнул Кузьмич Катерине. - На всю страну тебя прославит.

- Я не хочу, - сказала Катерина.

- А об этом, милочка, тебя никто и спрашивать не будет, - отрезала режиссер. - Уже обговорено и с начальством, и с профсоюзом, и с комсомолом.

- Мне некогда, у меня четвертая линия простаивает, - лихорадочно подыскивала аргументы Катерина.

В комнату заглянул телеоператор, которого Катерина видела на студии. Рудольф даже знакомил ее с ним.

- Куда тройку ставить? - спросил телеоператор.

- На вторую линию, - сказала режиссер. - Там у них дефицит идет. Значит, так... - подвела итог режиссер. - Тройку - на вторую линию. Секунд десять показываете, потом по моей команде линию останавливаете, имитируем поломку, выходит она. Режиссер кивнула на Катерину. - Кто у нас на третьей?

- Рачков.

- Передай ему, чтобы он взял ее проход на общем поаппетитней. Ножки, бедра - зритель это любит, потом она десять секунд копается, потом я возьму ее крупно. - Режиссер посмотрела на Катерину. - Скажешь несколько слов.

- Я не знаю, что говорить. - Катерина растерялась окончательно, услышав о Рачкове.

- Чего там не знать, - отмахнулась режиссер. - Что тебе нравится, что ты собираешься здесь проработать всю жизнь.

- Я не собираюсь здесь работать всю жизнь, - сказала Катерина.

Режиссер достала из сумочки листок,

- Здесь примерные ответы, - сказала она. - А вопросы будет задавать тебе диктор. Радуйся, что рядом с дикторшей снимаешься.

Катерина вышла в цех и увидела Рачкова, который устанавливал камеру у второй линии. Она бросилась за станки и присела, чтобы он ее не увидел. Но это было очень заметное место и проходившие мимо работницы поглядывали на нее с удивлением.

- Что, тебе плохо? - спросила одна.

- Плохо, - ответила Катерина и сообразила, что это может стать уважительной причиной, чтобы не выступать. Она бросилась в кабинет к Кузьмичу.

- Я плохо себя чувствую, - начала она. - Я не могу говорить.

- Не придуривайся. - оборвал ее Кузьмич. - Тебя же вся страна увидит, тебе письма будут писать.

И уже принесли халат и косынку. Ей помогли переодеться. Зазвонил телефон. Кузьмич снял трубку,

- Тебя просят прорепетировать, - сказал он Катерине. - Давай жми.

Выхода не было. Катерина использовала последнюю возможность. Она бросилась в женский туалет и закрылась.

Ее искали по всему цеху. Кто-то показал на туалет. Ее оттуда вывели чуть ли не под конвоем. По бокам шли мастера, впереди - начальник участка. И когда Катерина поняла, что выхода нет совсем, она решилась.

Она подошла ко второй линии, увидела удивленное лицо Рачкова, но теперь ей уже было все равно. Она все сделала, как ее просили. Прошла между станками и, когда линия остановилась, сделала вид, что устраняет неисправность.

Потом в кадр вошла дикторша, улыбаясь привычной телевизионной улыбкой, и представила Катерину.

- Это Катя Тихомирова, - начала она. - Единственная девушка на заводе, которая работает слесарем-наладчиком. Вы сами могли убедиться, какие сложные станки на заводе. Так вот Катя может определить и исправить любую неисправность. Катя, почему вы выбрали эту профессию?

- Я не выбирала, - ответила Катерина. - Просто у нас не хватает слесарей.

- Но ведь вы сознательно, наверное, выбрали именно этот завод? направляла дикторша.

- Нет, - ответила Катерина. - По необходимости. На заводе были места в общежитии, а мне негде было жить.

- А вы не москвичка?

- Я из Смоленской области, - ответила Катерина.

Дикторша несколько растерялась. Интервью начинало идти не по намеченному плану.

- Вы ведь работали штамповщицей, а перешли на более сложный и трудный участок работы, не так ли? - спрашивала дикторша.

- Нет, - ответила Катерина. - Этот участок, если говорить о физических нагрузках, более легкий, но здесь требуется более высокая квалификация.

- Значит, вам не нравится просто механическая работа? - обрадовалась дикторша. - Вы хотите работать творчески? Значит, вы сознательно перешли в наладчики?

- Никакой особой сознательности не было, - честно призналась Катерина. - Я даже не хотела, но меня попросил Кузьмич, извините, товарищ Леднев, это наш начальник цеха, он хороший начальник, я не могла ему отказать. А вообще в наладчики не очень хотят идти - мало платят. Здесь есть какая-то недоработка, надо пересматривать нормы. За квалифицированную работу надо и платить соответствующе.

Это было уже совсем не запланировано, и дикторша задала последний вопрос:

- Катя, а какая ваша мечта? Вы, наверное, собираетесь учиться и дальше, чтобы вернуться на свой родной завод уже инженером?

- Я думаю учиться дальше, - сказала Катя. - В этом году я провалилась на экзаменах в институт, буду поступать на следующий год. Только я вряд ли сюда вернусь. Я снова буду поступать в химикотехнологический.

- Удачи вам, Катя!

- Спасибо.

Дикторша улыбнулась в камеру. Красный глазок на камере погас, и она облегченно вздохнула. А Катерина пошла к своим станкам. Пресс корежил заготовку, Катерина посмотрела на бракованные детали и раскрыла свою сумку с отвертками и ключами,

- Привет. - Рядом с ней остановился Рачков. - Интересная у нас с тобой встреча получилась.

- И вправду интересная, - согласилась Катерина.

- А ты, оказывается, героиня!

- Тебя в этом что-то не устраивает? - спросила Катерина.

- Нет, я даже польщен.

Рачкова позвали, передача была окончена, и телевизионщики сворачивали свое оборудование.

- Пока, - сказал Рачков. - Куда же теперь тебе звонить?

- Туда же, куда и звонил, - ответила Катерина.

- Но ведь, насколько я понимаю, этот телефон - липа!

- Это нормальный телефон, - ответила Катерина. - Если ты позвонишь, мне передадут.

- Уже поздно. Десять недель.

- Я уже это слышала, - сказала Катерина. - У меня нет другого выхода.

- Выход всегда есть, - сказала врач. - Пусть зайдет ко мне отец ребенка.

- Я не знаю, кто отец, - с вызовом ответила Катерина.

В приемной сидели будущие матери. Многие из них были с мужьями, Сидели спокойные, умиротворенные молодые женщины, гордо выставив свои округлившиеся животы.

- Ну что? - спросила Людмила, когда они вышли из консультации.

- Ничего нельзя сделать, - сказала Катерина.

- Надо же так влипнуть. - И Людмила закурила.

- Дай и мне сигарету, - попросила Катерина.

Она закурила неумело, первый раз в жизни.

Катерина была в женской консультации. Она молча оделась и посмотрела на врача, усталую женщину средних лет.

- Что же, - сказала врач. - Пока все хорошо. Никаких отклонений от нормы.

- Мне нужен аборт, - сказала мрачно Катерина.

Катерина встретила с Рачковым на Суворовском бульваре.

- А что могу сделать я? - спросил Рачков.

- Поговори с родителями, может быть, у матери есть знакомые врачи, которые согласятся сделать аборт.

- Поговори с родителями, может быть, у матери есть знакомые врачи, которые согласятся сделать аборт.

- Еще чего, - отмахнулся Рачков. - Не хватало еще родителей впутывать.

- А что мне делать? - спросила Катерина.

- Надо было раньше об этом думать, - раздраженно ответил Рачков.

- Тебе тоже надо было думать.

- А откуда известно, что этот ребенок от меня? - спросил Рачков. - Ты меня обманула во всем. А может, вообще никакого ребенка нет? Я тебе не верю.

- Прости меня, - попросила Катерина, - Я тебе клянусь. Я тебя никогда в жизни не обману. Ни в чем, никогда. Поверь мне.

- Значит, у тебя был такой тонкий расчет. - Эта мысль все больше нравилась Рачкову.

- Нет, - сказал он, - Женщине, которая обманула один раз, нет веры на всю жизнь. Я тебе этого никогда не прощу. Ты сама это заслужила.

- Что ж, - сказала Катерина, - может быть, ты прав. Я это заслужила. Я тебя прошу только об одном; помоги найти врача.

- У вас на заводе есть поликлиника, - ответил Рачков. - У нас следят за здоровьем трудящихся, у нас, как известно, самое лучшее медицинское обслуживание в мире. - Рачков даже повеселел. - Ладно, что было, то было. Давай разойдемся, как в море паровозы.

А ты сходи в поликлинику, объясни ситуацию, они должны пойти навстречу. Извини, мне пора на передачу. - Рачков встал и пошел. Вначале он шел медленно, потом бросился вперед, добежал до троллейбуса, вскочил в него, и через мгновение уже не было ни его, ни троллейбуса, который уплыл за кроны деревьев...

В Москве выпал первый снег. Мальчишки во дворах поставили первых снежных баб. Самые нетерпеливые прокладывали первые лыжни.

Катерина пришла с работы, разделась, легла на кровать и отвернулась к стене.

Людмила разогрела на плитке ужин.

- Если бы я сразу всю правду сказала, сейчас все было бы по-другому, - вдруг решила Катерина.

- Какая разница? - возразила Людмила. - Ты бы сказала или он сам узнал. Главное - результат. Но еще не все потеряно. Я кое-что предприняла...

А поздно вечером в общежитие приехала мать Рачкова. Она вошла в комнату, осмотрела ее и спросила;

- Так, значит, здесь живет дочь профессора Тихомирова?

Катерина встала, жалко улыбнулась, она еще надеялась, что раз приехала мать, все может перемениться. Теперь не одна она будет решать.

Рачкова села и, не снимая пальто, приступила к делу, - у меня с Рудиком был серьезный и откровенный разговор. Он тебя не любит. Было увлечение, кто в молодости не увлекается. А вся эта дешевая игра с профессорскими квартирами... все это противно. - Рачкова поморщилась. - Я тебе могу помочь только в одном. У меня есть знакомые в институте акушерства и гинекологии. Тебя туда примут, но необходима соответствующая бумага от завода и вашей поликлиники. Вот фамилия директора института. На его имя должно быть письмо. И еще: попрошу больше не звонить мне со всякими дешевыми угрозами.

- Я не звонила, - сказала Катерина.

- Тогда по вашей просьбе звонят ваши подруги.

- Я никого не просила. - Катерина посмотрела на Людмилу.

- Это звонила я, - призналась Людмила, - Не исключено, что я буду не только звонить, но и писать в организации, где работаете вы и ваш сын. Зло должно быть и будет наказано, - почти патетически произнесла Людмила,

- А вы, по-видимому, Людмила. - Рачкова повернулась к Людмиле. Специалистка по психиатрии, которая работает на шестом хлебозаводе формовщицей.

- Да, - ответила Людмила с вызовом. - И что же?

- Ничего, - ответила Рачкова. - Просто я всю эту историю рассказала знакомым журналистам. Они сказали, что может получиться интересный фельетон о завоевательницах Москвы.

- Какие мы завоевательницы, - не выдержала Катерина. - Мы честно работаем,

- И работайте, - жестко сказала Рачкова. - И поживите в общежитиях, я лично свое пожила в коммунальных квартирах.

- Сейчас не те времена, - вклинилась Людмила.

- Времена всегда одинаковые. Прежде чем получить, надо заслужить, заработать, - почти выкрикнула Рачкова. - Нас и так четверо в двух комнатах, нам не хватает только вас с вашим ребенком. Нет, здесь вам не пройдет, вы не получите ни метра!

- Простите, - сказала Катерина. - Но мне ничего не надо. Спасибо, что дали адрес института. Я вам обещаю, что больше никогда и ни о чем вас просить не буду. Вам надо идти, вы не успеете

на метро.

Рачкова поднялась.

- Если вам потребуется еще в чем-то помощь, может быть деньги... начала она,

- Спасибо, - сказала Катерина. - Я сама хорошо зарабатываю.

- Тогда до свидания, - сказала Рачкова.

- Привет, - ответила за Катерину Людмила и, когда Рачкова вышла, набросилась на Катерину. - Решила проявить благородство? Со жлобами надо поступать по-жлобски.

- Зачем? - спросила Катерина. - А потом она права. Почему они должны менять свою жизнь, потому что появилась я?

- А почему ты должна растить и воспитывать ребенка одна? - спросила Людмила.

- Ребенка не будет, - сказала Катерина.

И снова была весна. Родильный дом выпускал рожениц. Роль отца исполнял Николай. Он вручил медсестре цветы, принял сверток с ребенком, выслушал напутствия,

- Девочка здоровая, - говорила ему врач. - Хорошо, если лето она проведет за городом.

- Это само собой, - подтвердил Николай.

Они прошли к старенькому "Москвичу", возле которого Катерину ожидали Людмила и Антонина. Подруги расцеловались. У Антонины был уже заметно округлившийся живот.

- Надо было, чтобы ее кто-нибудь другой встречал, - ворчливо сказал Николай, когда все расселись в машине.

- Это почему же? - тут же спросила Людмила.

- Через три месяца Антонине рожать, потом ты забеременеешь. И все в одном районе. Еще подумают, что у меня гарем,

- Нашел о чем думать, - отмахнулась Людмила. - Сейчас радоваться надо, девка у нас родилась. Гуляем.

В комнате, которую выделили Катерине в общежитии, оказалось еще около десятка людей.

Комната была уже обставлена, даже несколько загромождена вещами. Здесь была и тахта, и старый телевизор "Ленинград", и проигрыватель с пластинками. Посередине комнаты стояла великолепная никелированная детская коляска.

- Ну зачем же? - растерялась Катерина. - Она же такая дорогая.

- Все продумано, - успокоил ее Николай. - Потом коляска перейдет к нам, а там, глядишь, и Людка замуж выйдет.

- Ну, уж такого удовольствия я вам не доставлю, - отмахнулась Людмила.

- А все остальное откуда? - спросила Катерина.

- Со всей Москвы. - Николай показал на присутствующих. - Родня моя передала излишки.

Женщины пеленали девочку.

- Как назовешь? - спросили Катерину.

- Александрой, как моего отца, - сказала Катерина,

- Все сели, - распорядилась Людмила. И все сели. - Программа следующая: завтра выезжаешь на дачу к Николаю и Антонине.

- Ну какая дача, - проворчал Николай, - садовый участок. Но комнату оборудовали.

- Продукты вожу я и Николай, - продолжала Людмила. - По возвращении тебе нужен будет еще один месяц, пока эту паршивку не возьмут в ясли. На первую половину месяца я перейду во вторую смену, к этому времени Тоня пойдет в декрет и заранее начнет осваивать практический курс по уходу за ребенком. Следующее: через три месяца начинаются экзамены в институт. Ты в прошлом году по химии провалилась? Так вот, химией с тобой займется мой новый знакомый. - Встал солидный мужчина и наклонил голову. - Кандидат наук, доцент, качество подготовки гарантирует.

- А если бы она по физике провалилась? - спросил доцент.

- Заменяли бы тебя на физика, - тут же нашлась Людмила.

Николай наполнил рюмки.

- За Александрю... как ее?..

- Александровну, - в наступившей тишине ответила Катерина.

- Итак, за москвичку Александру Александровну Тихомирову, гип-гип, ура!

Была ночь. Катерина стирала пеленки. Через комнату были протянуты веревки, на которых сушились пеленки. На столе были разложены учебники и тетради.

Закончив стирку, Катерина села за стол, Она пыталась заниматься, но ничего не могла с собою поделаться, глаза смыкались. И она заплакала. Она плакала тихо, чтобы не разбудить дочь.

Выплакавшись, Катерина вытерла слезы, собрала тетради и начала заводить будильник.

Шел третий час ночи. Катерина поставила стрелку будильника на шесть утра, подумала и перевела на без десяти шесть, но, посмотрев на полотнища пеленок, поставила на половину шестого утра. Ей оставалось спать три часа...

х х х

Трещал будильник, Катерина нажала кнопку, повернулась на другой бок, но через мгновение все-таки заставила себя встать.

Она накинула халат и прошла в ванную. Посмотрела на себя в зеркало. Это была почти прежняя Катерина, только прибавились морщинки в уголках глаз и в пышных по-прежнему

волосах проглядывала седина.

Но из ванной она вышла уже без видимых морщин и без единого седого волоска. Темно-рыжие волосы лежали естественными волнами - парик был первоклассный.

Квартира была двухкомнатная, обставленная добротной, но в общем-то стандартной мебелью. Катерина прошла в другую комнату. Там спала Александра. Ей было девятнадцать лет. Катерина распахнула настежь окно и вышла на кухню. Александра, почувствовала ворвавшийся ветер, вынуждена была встать.

Катерина на кухне пила кофе и просматривала свой блокнот с записями.

- Когда вернешься? - спросила Александра.

- Не знаю, - односложно ответила Катерина, - По-видимому, поздно.

- Значит, вечером я могу пригласить девочек? - спросила Александра.

- И мальчиков тоже, - сказала Катерина.

- Это уж само собой, - сказала Александра.

Катерина прошла в свою комнату, взяла связку ключей, сумку и вернулась на кухню.

- Я знаю, - опередила ее Александра. - Обед в холодильнике: суп из концентратов, антрекоты, компот консервированный. Посуду помою.

- Тогда пока, - улыбнулась Катерина.

- Пока, - улыбнулась Александра.

Людмила допивала свой утренний чай. Она жила в однокомнатной малогабаритной квартире, половину которой занимала большая кровать. Кровать стояла в центре комнаты и была главным предметом обстановки, Людмила набросила плащ, вышла из дому, не обращая внимания на осуждающе поглядывающих на нее женщин, закурила и пошла к остановке автобуса.

На остановке была обычная утренняя толчея. Автобусы подходили переполненными. Их приходилось брать штурмом. Это был новый микрорайон Москвы, и автобусов, по-видимому, не хватало.

Людмила попыталась втиснуться в очередной автобус, но ее оттолкнули, Тогда она пошла вперед по шоссе и остановила первую же "Волгу".

- На Хорошевку, - сказала она, - Плачу трешку, если успеешь к восьми.

Катерина вышла во двор, подошла к "Жигулям", вставила ключ зажигания, двигатель заработал. Катерина увеличила обороты, вслушиваясь в работу двигателя. Что-то ей не понравилось. Она выключила двигатель, на секунду задумалась, потом снова включила двигатель, резко развернулась и также резко рванула вперед. Почти не снижая скорости, она вырулила из переулка в поток машин на шоссе. Несколько секунд она шла следом за автофургоном, потом взглянув в зеркало, резко пошла на обгон.

Теперь она шла в крайнем левом ряду, стремительно обгоняя машины, идущие справа. Водители-мужчины посматривали на нее несколько оторопело. Один из них попытался с нею соревноваться, но очень быстро отстал, тем более что приближался пост ГАИ.

У поста Катерина чуть сбросила скорость. Проезжая мимо, она улыбнулась постовому, тот тоже улыбнулся ей, но все-таки погрозил жезлом и тут же остановил водителя, пытавшегося соревноваться с Катериной.

Антонина и Николай ехали в переполненном автобусе.

- Зачем было покупать машину, - выговаривала Антонина, - чтобы ездить на ней один раз в неделю и то не всегда?

- Ты же знаешь, машину ставить негде, - возразил Николай.

- Ну уж чего-чего, - не согласилась Антонина, - а места на стройке хватает.

- Ты что, забыла, - спросил Николай, - как в прошлый раз самосвал ободрал мне правое крыло?

- Ну и что? - спросила Антонина. - Ты думаешь, что машина у тебя всю жизнь будет новой?

- Не всю, - сказал Николай, - но на "Москвиче" проездил двадцать лет.

- Тоже мне срок, - пренебрежительно ответила Антонина. - Моему деду одних сапог на всю жизнь хватило, их еще отец донашивал.

- Ничего в этом плохого не вижу, - невозмутимо ответил Николай.

Катерина въехала через ворота капролактанового комбината и подрулила к одному из цехов.

В цехе группа людей в голубых халатах копалась во внутренностях новой установки.

- Привет, - сказала Катерина.

- Здравствуйте, Катерина Александровна, - ответили ей почтительно.

- Ну и как? - спросила она.

- Сплошной брак, - ответили ей.

Молодой лохматый человек вдруг с остервенением отшвырнул отвертку.

- Черт знает что, - почти выкрикнул он. - Новая установка? Да такие японцы еще в прошлом году сняли с производства. Она уже сейчас устарела, а пока отладим технологию, она будет нужна как прошлогодний снег.

- Успокойся, - сказала Катерина и взяла чертеж. - Давайте думать...

Катерина вела машину по улицам Москвы. У Сретенских ворот возле киоска с газетами стоял мужчина. Катерина притормозила, и мужчина тут же сел рядом с ней. Он потянулся к Катерине, чтобы поцеловать ее, но Катерина сидела сосредоточенно прямо, и поэтому поцелуй вышел неуклюжий, будто мужчина клюнул Катерину в щеку.

- Ты чем-то расстроена? - спросил он,

- Расстроена, а что? - спросила Катерина. - Ты можешь мне чем-нибудь помочь?

- Ну, смотря в чем, - сказал мужчина...

- Спасибо, - сказала Катерина.

Они проехали центр, свернули в один из переулков и остановились перед девятиэтажной блочной башней, которая возвышалась почти небоскребом среди старых четырехэтажных, построенных в начале века домов.

Они поднялись в лифте. Катерина открыла дверь, и они вошли в двухкомнатную небольшую квартиру, заставленную книжными полками. Кроме книг в квартире был еще узкий диван, несколько стульев, стол, телевизор и приемник.

Катерина присела у стола, мужчина попытался ее обнять, но Катерина не ответила на его попытку, и мужчина насупился.

Потом Катерина расстелила постель. Мужчина начал раздеваться, а Катерина снова присела у стола.

- Ну, что же ты? - спросил мужчина.

- Я ничего, - сказала Катерина. Она оглянулась на лежащего в постели мужчину.

- Что все-таки случилось? - спросил мужчина.

- У меня не идет установка, - сказала Катерина, - у меня Сашка плохо учится, мне надо делать ремонт в квартире, у меня заболела мать, и ее придется перевозить ко мне, у меня в машине барахлит карданный вал, и его нужно срочно менять...

- Неужели в эти минуты ты можешь думать обо всем этом? - спросил мужчина оскорбленно.

- А в какие минуты я должна думать обо всем этом? - спросила его Катерина. - И вообще мне все надоело!

- Что - надоело? - спросил мужчина.

- Все, - ответила Катерина. - Мне надоело таскаться по чужим квартирам, брать у приятельниц ключи на два часа, мне надоело все делать одной. Почему я все должна делать одна?!

- Но ты должна понять... - начал мужчина.

- Я ничего не хочу понимать, - резко сказала Катерина.

- Но мы же с тобой договорились, - начал терпеливо мужчина. - Надо, чтобы моя дочь закончила десятый класс и поступила в институт, я не могу травмировать девочку. Надо подождать.

- А потом надо будет ждать, когда она выйдет замуж, а потом мы будем ждать, когда она родит тебе внука, а потом у тебя заболеет жена, а от больных жен не уходят, а потом мы все умрем.

Мужчина молчал. Катерина встала, надела жакет и бросила на стол ключи.

- Ключи опустишь в почтовый ящик, - сказала она и вышла. Полураздетый мужчина видел из

окна, как она села в машину и резко рванула с места.

Поздно вечером Катерина снова заехала на комбинат и прошла в цех. Новую установку размонтировали. Вокруг громоздились детали, инструменты. Слесари разбирали реактор.

- Так и не пошла? - спросила она.

- Нет, - ответили ей.

И Катерина начала натягивать халат.

Глубокой ночью Катерина вошла в свою квартиру, не раздеваясь, прошла в комнату дочери. Александра читала в постели.

- Ну как? - спросила Катерина.

- Хорошо, - сказала Александра.

- Ну ладно, - сказала Катерина.

- Поговорили, - сказала Александра.

И Катерина ушла в свою комнату. Александра прислушалась. В комнате матери было тихо. И вдруг из комнаты донеслось едва слышное всхлипывание. Александра встала, прошла в комнату матери и увидела рыдающую Катерину. Катерина плакала, уткнувшись в подушку, у нее вздрагивали плечи, она плакала почти беззвучно, и тем это было страшнее.

Была ранняя осень. Из электрички выходили дачники. Мужчины и женщины средних лет были нагружены сумками, авоськами, портфелями.

И еще была молодежь с гитарами, в джинсах, в майках, разрисованных, расписанных и даже с отпечатанными газетными сообщениями.

Одна из девушек, только что сойдя с платформы, стянула с себя майку и начала снимать джинсы. Старушки посмотрели на нее с осуждением, мужчины с большим интересом - остановится ли она на этом.

И девственная природа заполнилась звуками цивилизации: брэнчанием гитар, музыкой транзисторов, шумом проходящих электричек, предостерегающими клаксонами автомобилей. Пассажиры электрички шли по поселку мимо дачи, за забором которой работали женщины. Еще молодые женщины, которым не так уж много за тридцать. Это были наши знакомые Людмила, Антонина и Катерина. Антонина готовила обед. Остальные собирали яблоки. Катерина, стоя под яблоней, обрывала плоды и осторожно укладывала их в корзину.

На другом дереве сидел Николай, а внизу стояла Людмила с ведром.

- Может, трясаем? - предложила Людмила.

- Я тебе трясану, - пригрозил Николай. - Если яблоко на землю упало, оно долго не сохранится.

- Долго ничего не сохраняется, - отпарировала Людмила. - Вот ты всегда правильную жизнь вел. Сохранился, что ли? Седой уже и плешивый. Николай промолчал. - Ну, возражай. Скажи: и ты, мол, уже не молоденькая.

- Зачем? - сказал Николай. - Ты ведь брякаешь по привычке. А так ты ведь добрая. Только неверную установку на жизнь взяла.

- А какая верная? - спросила Людмила.

- Зачем? - сказал Николай. - Ты ведь брякаешь по привычке. А так ты ведь добрая. Только неверную установку на жизнь взяла.

- А какая верная? - спросила Людмила.

- Ты вот все хочешь замуж за короля выйти.

- Никогда не хотела за короля. Что бы я с ним в Советском Союзе делала? Сейчас бы я за генерала вышла. Иду я как-то по Солянке и едет в черной "Волге" генерал с генеральшей. А чего? Я бы даже очень ничего генеральшей была.

- Чтобы генеральшей стать, надо за лейтенанта замуж выходить. Да помотаться с ним по гарнизонам лет двадцать, по тайге всякой и пустыням.

- Ну и зануда ты, - вздохнула Людмила. - Ты все по правилам. А в жизни лотерея еще есть. Я вот всегда лотерейные билеты покупаю.

- Выиграла? - поинтересовался Николай.

- А как же! Два раза по три рубля.

Катерина помогала накрывать на стол Антонине,

- А ты чего Виктора Сергеевича не пригласила? - спросила Антонина,

- Барахло он, - отмахнулась Катерина. - Трус. Разругались вдрызг.

- Ну, его тоже понять можно. На виду он, должность солидная, есть за что бояться.

- А при чем тут должность? - возразили Катерина.

- Могут быть неприятности.

- Могут. А у кого их нет? Я сегодня колготки порвала. Неприятность, Машину надо ремонтировать - неприятность. Комбинат план заваливает неприятность.

- А тебя и вправду директором комбината назначили? - спросила Антонина.

- А директорами понарошку не назначают.

- Сколько ж у тебя в подчинении теперь?

- Больше трех тысяч.

- Ой, трудно, наверное, справляться? - посочувствовала Антонина. Надо же - три тысячи.

- Трудно с тремя, - спокойно возразила Катерина, - А если трех можешь организовать, то потом число уже не имеет значения - три или три тысячи.

Потом все сидели за столом, вкопанным в землю под деревьями. И проходящие мимо слышали смех и видели мужчин, женщин и детей и, наверное, думали, что это одна семья, счастливая и дружная.

А потом, уже в сумерках, Антонина и Катерина вдвоем сидели на крылечке. Николай с детьми отправился купаться. Их у Антонины и Николая было уже трое. Старшему почти девятнадцать, младшему чуть больше десяти.

- Знаешь, я ведь не завистливая, но тебе завидую. Счастливая ты, призналась Катерина.

- Счастливая, - согласилась Антонина. - Но ты тоже счастливая. Чего хотела - добилась.

- А что толку-то? Пока на работе - ничего. А дома - завять иногда хочется.

- Но у тебя же Александра.

- У нее уже своя жизнь. Уже любовь крутит.

- Слушай, Кать, а может, у тебя какой просчет есть? Может, ты слишком гордая? Мужики этого не любят.

- Да не гордая я совсем. Только где эти мужики-то? Посмотреть не на что. Сорока еще нет, а уже животы отрасли. Затюканные какие-то. Мятые, в нечищенных ботинках,

- А при чем тут ботинки? - удивилась Антонина.

- Я терпеть не могу, когда мужик в нечищенных ботинках. Сразу интерес пропадает.

- Ну, ботинки можно и приучить чистить, Я своего приучила.

- Вот видишь, и приучивать надо, А пока приучишь, и жизнь пройдет.

- Она так и так пройдет, - философски заметила Антонина. - Нет... ты слишком требовательна.

- Да не требовательна я, - возмутилась Катерина. - Я на малое согласна. Так и этого малого нет.

- Может, с Николаем поговорить? - предложила Антонина. - У него много приятелей, - и тут же засомневалась: - Нет, они все женатые.

- Какая разница, женатый или неженатый? - возразила Катерина.

- Что же, ты семью будешь разбивать? - ужаснулась Антонина.

- А что значит-разбивать? - спросила Катерина, - Если разбивается, значит, не семья, а если семья - то разбивай или не разбивай, все равно не разобьешь.

- Ну, мужчина может и увлечься, - возразила Антонина,

- Что-то я давно таких не встречала, - вздохнула Катерина. - У сегодняшних мужиков вместо мозгов электронно-вычислительные машины. Он прежде чем увлечься, тысячу вариантов просчитает. Пожалуй, мне пора.

- Может, заночуешь? - предложила Антонина.

- Не могу. У меня завтра в восемь диспетчерская. - Катерина задумалась. Достала блокнот. Сделала какие-то пометки и озабоченно забарабанила пальцами по перилам крыльца. Была у нее такая дурная привычка.

Потом она ехала в ночной электричке. В вагоне было почти пусто. Сидели такие же, как и Катерина, одинокие женщины, пожилые и средних лет, сидели, поглядывали в окна или читали толстые потрепанные книги. Была в вагоне еще совсем пожилая пара. Они молча играли в карты. Была и молодая пара. Они целовались. Парень предавался этому занятию с удовольствием, а девушка, скорее, была горда своей смелостью и после каждого поцелуя победно смотрела на одиноких женщин. Девушка была не очень красивая.

Катерина просматривала свой блокнот. Одета она была в старенький, но вполне приличный костюм, специально для работы на даче. Костюм ей стал чуть тесноват, из него выпирали колени, бедра, грудь.

На остановке в вагон вошел мужчина в парусиновой распахнутой куртке, в застиранных джинсах.

- Здравствуйте, - сказал он.

Пассажиры подняли головы и промолчали. Ответила одна старушка:

- Здравствуй.

Ей было скучно, и она, наверное, не прочь была поговорить, но она не заинтересовала мужчину. А остальные женщины мужчиной не заинтересовались.

Интеллигентная девушка в очках читала иностранную газету, она мельком взглянула на вошедшего и снова зашелестела многостраничной газетой. Для нее вошедший был простоват.

Женщина под пятьдесят осмотрела его и отвернулась к окну. Мужчина для нее был слишком молод, ему было около сорока. Катерина отложила блокнот, осмотрела вошедшего внимательно, скорее, по своей привычке всматриваться в людей и запоминать их. Вошедший выделил ее из пассажиров и остановился рядом.

- Не помешаю? - спросил он.

- Нет, - ответила Катерина. Она опустила глаза и увидела, что на мужчине нечищенные ботинки.

- Я сам терпеть не могу грязной обуви, - сказал вдруг мужчина.

- Мне нет никакого дела до вашей обуви. - Катерина была намерена прекратить разговор.

- Разумеется, - подтвердил мужчина. - Но вам это неприятно.

- С чего вы взяли? - спросила Катерина.

- У вас все это на лице написано,

- А вы читаете по лицам?

- Да, как вы сами в этом убедились. Если хотите, могу почитать и дальше.

- Попробуйте, - согласилась Катерина и улыбнулась. Этот человек ее забавлял.
- Вы не замужем, - продолжил мужчина.
- Это уже дешевый финт, - запротестовала Катерина.
- Почему? - спросил мужчина.
- Если я не ношу обручального кольца, это еще ничего не значит.
- Даже если бы вы носили обручальное кольцо, вы все равно не замужем. У вас взгляд незамужней женщины.
- А разве незамужние женщины смотрят как-то по-особенному? удивилась Катерина.
- Конечно, - подтвердил мужчина. - Они смотрят оценивающе. А так смотрят только милиционеры, руководящие работники и незамужние женщины.
- А если я руководящий работник? - спросила Катерина.
- Нет, - сказал мужчина. - Вы работница, может быть, мастер. Вас выдают руки. Я в этом ничего зазорного не вижу. Я сам электросварщик, правда, высшего класса. И то, что вы не замужем, а этом тоже ничего предосудительного нет. Я сам не женат.
- А вот это говорит скорее о ваших недостатках, чем о достоинствах.
- Это ни о чем не говорит, - возразил мужчина. - Мне лично просто не повезло.
- Она, конечно, была стерва, - сказала Катерина.
- Нет, она была прекрасным человеком. Теперь она уже снова вышла замуж и счастлива.
- Значит, вы плохой человек? - спросила Катерина.
- И я прекрасный человек. - Мужчина рассмеялся, - Вы знаете, у меня почти нет недостатков.
- А это? - Катерина щелкнула себя по воротничку кофточки.
- Это я люблю. - Мужчина рассмеялся. - Но только вне работы и под хорошую закуску. Я живу на проспекте Вернадского. Недалеко Воронцовские пруды. Это прекрасно - сесть под березой...
- А вокруг гуляют дети, - вставила Катерина.
- Ни в коем случае, - заверил мужчина. - Мы выбираем места подальше от детей.
- Да и взрослым на это смотреть не очень приятно, - поморщилась Катерина.
- Ничего не вижу в этом плохого, - не согласился мужчина. - Никаких бутылок и банок мы не оставляем. Просто это наше место. Я вас как-нибудь свезу туда. Мы там собираемся раз в неделю. У меня есть приятель. Он язвенник. Ему нельзя. Так он просто приходит посмотреть и порадоваться за нас. Селедочка иваси, малосольные огурчики, черный хлеб, посыпанный солью...
- Черт возьми, - сказала Катерина. - Вы так вкусно рассказываете, что мне самой захотелось и

хлеба с солью и огурчика.

- Молодец, - похвалил мужчина. - Ты нашего профсоюза.

- А мы, по-моему, на "ты" еще не переходили.

- Так перейдем, - пообещал мужчина.

Они вышли из поезда вместе.

- Пожалуй, я тебя отвезу на такси, - сказал мужчина.

- С чего бы это? - спросила Катерина,

- Ты всегда задаешь столько вопросов? С чего, почему, зачем? А просто так. Могу я отвезти понравившуюся мне женщину?! У меня есть пять рублей.

- До моего дома хватит, а обратно нет, - сказала Катерина.

- Ты всегда все считаешь?

- Всегда, - ответила Катерина.

- А как тебя зовут? - спросил мужчина.

- Катериной. А тебя?

- Гога.

- Значит, Гога. - И Катерина вздохнула. - Только этого мне не хватало.

Ровно без десяти восемь директор капролактанового комбината Тихомирова миновала проходную и направилась в цех. Установка по-прежнему не работала.

В НИИХИМПРОМе шло совещание. Присутствовали ученые и представители комбината во главе с Катериной. За председательским местом сидел директор института Павлов.

Свое выступление заканчивала Катерина.

- Выводы следующие, - говорила Катерина. - Комбинат отказывается от установки, думаю, что и другие предприятия последуют нашему примеру. Кроме того, мы будем ставить вопрос о компетентности руководства института.

- К счастью, это не в вашей компетенции, - возразил Катерине Павлов.

- Ну почему же? - Катерина улыбнулась. - Это как раз в моей компетенции как члена Совета директоров. И на первом же заседании Совета я этот вопрос поставлю. - Катерина собрала документы и пошла к двери.

За нею двинулись представители комбината.

- Катерина Александровна, - недоумевающая, спросил Павлов. - Вы куда?

- Мне надоела эта болтовня. До свидания.

И представители комбината под предводительством Катерины покинули совещание.

В универсаме Катерина достала из сумочки две большие капроновые авоськи и начала набирать продукты: сыр, колбасу, рыбу, соки, пачку сахара, пакет с конфетами, пельмени. Она, не задумываясь, швыряла в авоську все, что было по пути: кефир, молоко, масло, а под конец взяла пакет с картошкой, который уже не вмещался ни в одну из сумок. С пакетом под мышкой она двинулась к кассам.

Потом в толпе таких же нагруженных женщин она шла к дому. Идти было неудобно и тяжело, и она несколько раз останавливалась и отдыхала.

И вдруг у нее из рук взяли сумки. Рядом стоял Гога.

- Привет, - улыбнулся он. - А я уж часа два тут околачиваюсь.

- Зачем? - спросила Катерина.

- Я тебя когда-нибудь стукну, если будешь задавать дурацкие вопросы, - пообещал Гога.

- И все-таки, зачем? - повторила вопрос Катерина.

- Потому что мне хотелось тебя видеть.

- Учти, таких импровизаций я не терплю, - предупредила Катерина. Надо было позвонить по телефону.

- Я звонил, - сказал Гога. - Ответила какая-то женщина. Ты что, в нее недавно кастрюлю запустила? Мягко говоря, она мне просто нахамила. Ты что, в коммуналке живешь?

- Это была моя дочь, - сказала Катерина,

- Так у тебя еще и дочь есть? - удивился Гога.

- А почему тебя это удивляет?

- Может быть, у тебя и муж есть? - спросил Гога.

- А что это меняет? - спросила Катерина, - Если, как ты говоришь, я тебе нравлюсь? Или тебе нравятся только незамужние женщины? - спросила Катерина.

- Так, - сказал Гога и поставил сумки на землю. - Значит, ты разругалась с мужем и решила проучить его при помощи меня, так?

- Гога, с таким аналитическим умом вам надо работать в бюро прогнозов. - И Катерина подняла сумки.

Гога взял у нее сумки, и они снова пошли. Так же вместе они ехали в лифте. Потом Катерина открыла дверь своей квартиры, Им навстречу вышла Александра с книгой в руках.

- Привет, - сказал ей Гога.

- Это мой знакомый Георгий Иванович, - представила его Катерина.

- Александра, - сказала Александра. - Если я вам не нужна...

- Нужна, - прервал ее Гога. - Положи продукты в холодильник. - И он передал ей сумки.

Александра недоуменно пожала плечами, но все-таки взяла сумки и пошла на кухню.

Гога по-хозяйски прошелся по квартире. Осмотрел обстановку.

- Ну и как? - поинтересовалась Катерина.

- Годится, - ответил Гога, - Ужинать будем?

- Давай, - сказала Катерина. - Только я минут десять передохну.

- Отдыхай, - разрешил Гога,

Он прошел на кухню, открыл холодильник, изучил его содержимое и приступил. Зажег плиту, поставил на огонь кастрюлю с супом, прокалил слегка сковородку, бросил на нее антрекоты.

- Ты есть будешь? - спросил он Александру.

- А если буду? - спросила Александра.

- Тогда порежь лук.

Александра взяла протянутый нож и начала резать лук, Гога профессионально, почти одним движением, снял с селедки кожицу, поставил варить яйца, открыл банку печеночного паштета, в паштет пошел лук, подсолнечное масло, яйца уже охлаждались под струей холодной воды.

Катерина устало поднялась с кресла и вышла на кухню. Стол был уже готов. Катерина хотела что-то сказать, но так и осталась с открытым ртом.

А Гога вытаскивал из подвешного шкафчика начатые бутылки с вермутом, джином, банки с апельсиновым соком, соком манго, смешивал, смотрел на свет, потом достал из холодильника лед, бросил его в фужеры.

Мать и дочь переглянулись.

- Прошу, - сказал Гога и сел только тогда, когда сели женщины.

- Тебя как мать зовет? - спросил он у Александры.

- Марусей.

- Ну и я тебя так буду звать, - решил Гога.

- А я вас Васей, - сказала Александра.

- Давай, - согласился Гога. - Как меня только не звали. Жора Георгий, Гоша, Юрий, Гога...

- Гога тоже очень интересно, - перерешила Александра. - Вы с мамой вместе работаете?

- Нет, - сказал Гога, - но жить будем вместе.

- Вы собираетесь на ней жениться? - спросила Александра.

- Да.

- И она тоже?
 - Разумеется, - подтвердил Гога.
 - А жить где будете?
 - Здесь, - сказал Гога.
 - На кухне? - заинтересовалась Александра.
 - Нет, в твоей комнате, а тебе придется перебраться в проходную. Пока. А там, глядишь, ты выйдешь замуж. А у родителей твоего мужа вполне может оказаться большая квартира, сейчас таких все больше, и они выделяют вам комнату,
 - А если он будет из Курска? - спросила Александра.
 - За курских лучше не выходить замуж, - сказал Гога.
 - А если это будет любовь?
 - Ну, если любовь, то когда... - Гога развел руками. - Перед любовью нет никаких преград. Тогда ты останешься здесь, а мать переедет ко мне в коммунальную квартиру.
 - А когда вы это решили? - поинтересовалась Александра.
 - Сейчас, - ответил Гога.
 - А вы давно знакомы с мамой? - спросила Александра.
 - Двое суток.
- И тут Александра засмеялась и захлопала в ладоши.
- Ты чего? - удивился Гога.
 - А мама утверждает, что любовь любовью, но надо узнать человека, а для этого нужно время.
 - Мама права, - подтвердил Гога. - Когда сомневаешься, любовь это или не любовь, то нужно время.
 - А вы, значит, не сомневаетесь? - спросила Александра.
 - Я лично - нет, - сказал Гога. - А вот как она, - он кивнул на Катерину, - я еще не знаю, но у нее для этого еще будет время.
- И наступила тишина, И Гога и Александра смотрели теперь на Катерину. Она молчала. Так они все трое и сидели молча.
- После ухода Гоги Катерина с дочерью мыла на кухне посуду.
- Откуда он? - спросила Александра.
 - С электрички, - ответила Катерина.
 - А кто он такой?

- Ты видела сама, - ответила Катерина.

- А какая у него профессия?

- Слесарь.

- Ну, слесарей у нас еще не было, а за кого он тебя принимает? Может быть, за приемщицу с фабрики-прачечной?

- Я думаю, за женщину, - ответила Катерина.

- Слушай, а это забавно. Пусть он так и думает. Вот смеху-то будет, когда узнает, а? Ничего, пусть походит, он не зануда. Ты же его не обманывала, он сам тебя ни о чем не спросил. Давай разыграем, а?

- Не говори глупостей. Пошли спать.

Катерина и Александра еще спали, когда позвонил Гога. Ему открыла сонная Александра.

- Что это такое?! - напустился на нее Гога. - Мы же договаривались!

- О чем? - спросила Александра.

- О пикнике!

- Мать, на пикник! - крикнула Александра.

- Никуда не поеду, - заявила Катерина. - Сегодня воскресенье, хочу отоспаться.

- Отоспитесь на природе, - заявил Гога. - Я взял надувные матрасы.

- Так надо же собираться, - сопротивлялась Катерина. - Я ничего не купила.

- Все куплено, - заявил Гога. - Машина у подъезда.

Еще окончательно не проснувшись, Катерина и Александра вышли из дому и увидели у подъезда "Победу".

- Вы еще и владелец? - спросила Александра.

- Попролам с приятелем. Он ездит, я ремонтирую.

- Ей наверно, больше лет, чем мне? - предположила Александра.

- Если бы так, то она была бы просто юной и прекрасной. Она почти моя ровесница.

На загородном шоссе Гога увеличил скорость. Воскресные водители не торопились, и "Победа" начала обходить "Жигули" и "Волги". Некоторых владельцев это возмущало, и они тут же обгоняли "Победу" снова. Но подолгу держать высокую скорость они не рисковали, и Гога их настигал.

- Далеко едем? - поинтересовалась Катерина.

- Вы хорошо поработали за неделю, - заявил Гога. - Расслабьтесь получайте удовольствие, никаких мыслей, вопросов и сомнений, Можете спать, петь песни.

- Давайте песни, - завопила Александра и первая затянула:

"Калинка, калинка, калинка моя,

В саду ягода малинка, малинка моя..."

"Калинка, калинка, калинка моя,

В саду ягода малинка, малинка моя..."

Гога подхватил. Катерина стряхнула остатки сна и тоже подхватила.

Неслась по шоссе старенькая "Победа" а потоке ярких приземистых, сверкающих лаком и никелем "Жигулей", и неслась из "Победы" разудалая песня.

У Гоги были свои заветные места. Они остановились в лесу на берегу речки. Гога вынул из багажника стол, складные стулья, мангал и начал нанизывать на шампуры заранее заготовленное мясо.

- Мать, у него масса достоинств, - заявила Александра. - Во-первых, водит машину, часть забот снимается сразу, запасливый, этого нам тоже очень не хватает.

- Это еще не все, - пообещал Гога. - Еще я играю на гармошке, гитаре, балалайке, хожу на руках, играю в преферанс и морской бой.

- Этого вполне достаточно, - сказала Катерина. - Прелесть-то какая, вздохнула она.

Их обступили уже начинающие желтеть деревья, внизу синим полотнищем извивалась река, было тихо и спокойно.

После обеда они лежали на надувных матрацах, подставив лицо и тело солнцу, последнему горячему осеннему солнцу.

- Гога, - сказала Катерина, - я должна тебя предупредить. Я не та, за которую ты меня принимаешь.

- Конечно, не та, - согласился Гога, - Ты лучше.

- Я серьезно, - сказала Катерина.

- Она серьезно, - подхватила Александра. - Она не из фабрики-прачечной, она крупный...

- ...руководитель промышленности, - подхватил Гога.

- Да, - серьезно сказала Катерина.

- Она еще и депутат, конечно, - сказал Гога.

- Да, - подтвердила Катерина,

- Туда-сюда ездит по границам. И только вчера вернулась из Парижа.

- Не вчера, - сказала Катерина, - а две недели назад.

- Не будем мелочиться, - сказал Гога, - День, неделя плюс-минус - не имеет никакого значения.
- Я это серьезно, - сказала Катерина.
- Я тоже - сказал Гога. - Ты - серьезная женщина, я - серьезный мужчина.
- Гога, вы молодец, - И довольная Александра захлопала в ладоши.

Вечером они возвращались в Москву,

- Гога, - начала Александра. - Наша соседка, уезжая в отпуск, оставила машину на ремонт и просила ее забрать. Вы можете?
- Когда забирать-сегодня, завтра? - спросил Гога.
- Прекрати, - предупредила Катерина.
- Можно завтра, - сказала Александра.
- Ладно, тогда завтра, - согласился Гога.

Они подъехали к дому. Во дворе на лавочке сидел молодой человек, очень высокий и очень худой. По тому, как он поднялся увидев их, Гога все понял сразу.

- Твой? - спросил он Александру.
- Мой - подтвердила Александра. - Мама, мы погуляет, не много.
- До одиннадцати, - предупредила Катерина.
- Само собой, - согласилась Александра.

Гога и Катерина поднялись в квартиру.

- Поговорим, - предложила Катерина.
- Поговорим, - согласился Гога и бросился к телевизору. - Извини, наши играют с канадцами.

И Гога уже больше ничего не интересовало, кроме игры.

Катерина встретила с молодым человеком, который присутствовал на совещании НИИ и комбината, в кафе.

- Витя, почему вы промолчали на совещании? - спросила она, когда принесли кофе.

Пока молодой человек обдумывал, что ему ответить, Катерина стремительно перешла в наступление.

- Витя, хотите перейти а СКВ нашего объединения? Мы тут же откроем вашу тему.
- Вы откроете, а Павлов закроет, - мрачно заключил молодой человек.
- А вы не переоцениваете его возможности? - спросила Катерина.
- Скорее, недооцениваете вы, - так же мрачно заключил молодой человек. - У него, как говорят

сейчас, рука - большая и лохматая.

- Где? - спросила Катерина.

- У самого министра. Это все знают,

- А министр об этом знает? - спросила Катерина.

Молодой человек недоуменно пожал плечами.

- А вы думаете, кто-нибудь войдет к министру и спросит у него: это правда, что вы поддерживаете Павлова?

- А почему бы нет? - спросила Катерина. - Я, пожалуй, зайду и спрошу.

- Вы это серьезно? - Молодого меловека это явно заинтересовало.

- Абсолютно, - заверила Катерина, вставая. - Подумайте о нашем предложении. Вам будет интереснее, И зарплата больше.

Поздно вечером Гога и Катерина не спеша шли по Москве.

- А ты давно разошлась с мужем? - вдруг спросил Гога,

- Двадцать лет назад, - отпетила Катерина.

- А Сашке девятнадцать. - сопоставил Гога. - А еще раз выходила?

- Нет. Не получилось,

- Ну, ты как собака на сене, - возмутился Гога. - Ни себе, ни людям. Нет, это возмутительно в такие годы жить одной.

- Ну, ты ведь живешь один, - сказала Катерина.

- Живу, - согласился Гога. - Но не так уж и регулярно один, посчитал он нужным признаться.

- Я тоже, - сказала Катерина, - не всегда была одна,

- А теперь все, - заключил Гога. - Побаловались, и хватит. Теперь я у тебя, А если что замечу...

- Что тогда будет?

- Отлуплю, - убежденно заявил Гога.

Катерина и Людмила пили чай на кухне. Катерина рассказывала о своем романе.

- Вначале меня это забавляло, а теперь я и дня без него прожить не могу, - И Катерина грустно улыбнулась.

- Это любовь. - прокомментировала Людмила. - Когда у меня такое бывает, я точно знаю - это любовь.

- Завтра ему все расскажу, и пусть сам решает!

- Не знаю, не знаю, - задумалась Людмила. - Мужики не любят, когда выше их стоят.
- Да всегда кто-то выше стоит, - возразила Катерина.
- На работе - пожалуйста, а дома мужик хочет быть хозяином.
- А я что, возражаю? - удивилась Катерина. - Да на здоровье, будь хозяином, мне только легче.
- Ой, не отпугнуть бы. Пусть вначале все-таки сделал бы предложение, - засомневалась Людмила.

На территорию комбината, как и когда-то, двадцать лет назад, въехали голубые автобусы ПТС и остановились у подъезда управленческого корпуса.

Катерина видела из окна своего директорского кабинета как выходили из автобуса люди в кожаных куртках. Они тянули кабели, закатывали в здание портативные телекамеры, отдаленно напоминающие те, которые она видела на галантерейной фабрике.

Она не могла рассмотреть с высоты девятого этажа лиц, видела только, что отдавал распоряжения человек в ярком зеленом костюме.

Катерина перешла к своему столу, грустно улыбнулась и закурила.

Операторами распоряжался старший оператор Рачков. Он, разумеется, изменился, погрузнел, но не настолько, чтобы его было не узнать.

- Рудик. - К нему подошел режиссер, молодой человек. - Директриса уехала в министерство, обещала быть через полтора часа. Успеете?

- Успеем, - сказал Рачков. - Витя, - отдал он распоряжение молодому человеку, - из кабинета будешь вести ты. Мне лично надоели эти старушки, которые бубнят одно и то же: производительность, пятилетка, эффективность, трудовые традиции, выйдем к намеченным рубежам... я буду внизу, там хоть есть девочки, на которых можно посмотреть.

- Ну, ты не прав, - не согласился режиссер. - Директриса экстракласс. Фигура! Ноги растут прямо отсюда. - И режиссер показал, откуда растут ноги. - Кандидат наук и, главное, молодая. Недавно из главных инженеров. И не замужем.

- Откуда такие точные данные?

- Из отдела кадров.

- Ладно, - сказал Рачков. - Тогда беру на себя. Витя, я на директрису, а ты на производственные процессы.

Флегматичный Виктор кивнул.

Камера была установлена в директорском кабинете, а Рачков маялся в приемной и от нечего делать просматривал проспекты, рекламирующие продукцию комбината. Часы показывали без трех минут четыре. Секретарша перехватила взгляд Рачкова и завершила его:

- Директор никогда не опаздывает,

- Так уж и никогда, - усомнился Рачков.

- Никогда, - ответила секретарша.

Словно в подтверждение ее слов, в приемную вошла Катерина.

- Здравствуйте. - Она протянула Рачкову руку, и тот галантно ее поцеловал. - Через две минуты я буду готова. Заходите.

Рачков зашел вслед за Катериной в кабинет. Он был растерян. Он почти точно мог сказать, что где-то видел эту женщину, но только не мог вспомнить - где.

А Катерина меж тем села за свой стол, достала пудреницу, слегка подкрасила губы, одним взмахом расчески отбросила волосы на плечи.

- Мы с вами где-то встречались. - Рачков улыбнулся. - Я ведь вас уже показывал?

- Думаю, что вы ошибаетесь, - спокойно ответила Катерина. - Здесь вас не было...

- Но ведь вы не всю жизнь здесь работаете, - сказал Рачков.

- Не всю, но очень давно. Скоро двенадцать лет.

- Вы не отдыхали в Сочи?

- В Сочи, хоть один раз жизни, отдыхал каждый человек - сказала Катерина.

- Разрешите представиться - Рачков Родион Петрович.

- Родион? - переспросила Катерина.

- Да, - подтвердил Рачков. - Это довольно редкое имя.

- А в юности вы, конечно, были Рудольфом, - сказала Катерина.

- Да, - опешил Рачков. - Значит, мы с вами действительно знакомы?

- Нет, - сказала Катерина. - Это чистый домысел. Ведь не так давно модны были иностранные имена - Боб, Рудольф, Сэм теперь мода на родное, посконное - Иван, Никита, Родион, Денис. Все ведь легко объяснимо.

В кабинет заглянула секретарша,

В кабинет заглянула секретарша,

- Катерина Александровна, - предупредила она, - из управления звонили, что французы выедут через тридцать минут.

И тут Рачков вспомнил.

- Катерина! - изумился он.

- А что, я разве так изменилась? - спросила Катерина.

- Нет, - заверил ее Рачков. - Просто я не предполагал... Такая встреча... Через столько лет. Значит, ты всего добилась. Директор крупнейшего комбината в Москве!

- Директором я всего третий месяц.

- А какие еще изменения в жизни? - допытывался Рачков. - Семья, дети?

- С этим все в порядке, - отмахнулась Катерина. - Послушайте, товарищ Рачков, может быть, мы начнем? Через час у меня французы. Они принимали меня в Лионе, сейчас я должна принять их.

- Да-да, - согласился Рачков. - Наш разговор мы можем продолжить и в другом месте. Я тебе позвоню.

- Не надо никаких разговоров, - сказала Катерина. - И звонить не надо. Я не собираюсь быть телезвездой.

- При чем тут телезвезды, - улыбнулся Рачков. - Нас ведь связывает...

- Нас ничего не связывает, - жестко сказала Катерина и попросила: Соедините меня с режиссером.

Она подошла к телекамере и взяла наушники.

- Геннадий Михайлович, это Тихомирова, - сказала она. - Значит, как договорились. Я начинаю в кадре, потом вы переходите на цеха, я комментирую. Прошу учесть, у меня всего двадцать минут, нет, уже восемнадцать.

Катерина прошла за свой стол. На телекамере вспыхнула красная лампочка.

- Добрый вечер, - сказала Катерина. - Если у мужчин есть свои дела, пусть они ими займутся. Наша продукция, я думаю, в основном интересует женщин...

Режиссер сидел в автобусе ПТС за пультом. Перед ним было шесть экранов телевизоров. На контрольном экране улыбалась Катерина. Он переключил тумблер, и на экране возник цех...

Катерина тоже смотрела на экран, где были цеха ее комбината, люди, с которыми она работала и встречалась каждый день. Одной из работниц по-видимому, заметила, что на нее направлен объектив телекамеры, но не знала, что камера уже передает ее изображение. Работница достала зеркальце, губную помаду и, не отходя от станка, начала наводить красоту.

- Наезжай, наезжай крупнее, - обрадованно кричал режиссер в автобусе.

Оператор в цехе повернул ручку трансфокатора, теперь работница была крупно, на весь экран. Она подкрасила губы, поправила выбившуюся прядь под косынку и стала сосредоточенно серьезной, какой, она считала, должна выглядеть работница на съемке. И вся сосредоточенная и серьезная пошла вдоль станков.

Катерина все это видела на экране телевизора в своем кабинете. Это было и смешно и трогательно. И Катерина заулыбалась тоже.

Режиссер мгновенно переключил тумблер на пульте. Заработала камера Рачкова, и миллионы зрителей потом увидят и запомнят Катерину именно такой: улыбающейся и чуть грустной.

Помощники операторов сворачивали кабели, катили камеру к грузовому лифту.

Рачков задержался в приемной.

- Да, - сказал он, будто только что вспомнил. - Передачу в эфир могут поставить в последний момент, и мы не сможем позвонить вам на работу, на всякий случай дайте мне домашний телефон директора, я ей обязательно позвоню.
- Ради бога, не забудьте, - попросила секретарша и записала номер на листке.
- Непременно, непременно, - любезно заверил ее Рачков. - Очень интересная женщина, очень.
- Она у нас умница, - с гордостью ответила секретарша.
- Даже странно, - сказал Рачков, - такая женщина... и не замужем.
- А вы уже влюбились?
- На такую женщину невозможно не обратить вниманий. - В эту минуту Рачков был искренен. - Улыбается - глаз не оторвать.
- Ее улыбка стоит полмиллиона в валюте.
- Как? - не понял Рачков.
- Она принимала участие в закупке оборудования во Франции и так понравилась хозяину фирмы, что он сбросил полмиллиона. Это так шутят у нас а министерстве.
- Голубые телевизионные автобусы шли по Москве. Молодые операторы среди сложнейшей электрической аппаратуры которой были начинены автобусы, резались в карты, в элементарного дурачка. И очень веселились среди этого чуда технического прогресса.
- Рачков не принимал участия в игре. Он молча сидел у окна. Сидел сосредоточенный и даже мрачный. Он как будто силился о чем-то вспомнить и, наверное, вспомнил, очень этому удивился и недоуменно зажег сигарету.
- Катерина сидела в своем кабинете. Раздался телефонный звонок. Она сняла трубку.
- Тихомирова. - И стала слушать. - Все? - спросила она, - Тогда я повторю еще раз. Прошу мне не звонить... Нет. И встречаться нам незачем... Нет. Это не твоя дочь... Да, родилась в июне, ну и что?.. Ах. ты подсчитал. Ты сам считал или тебе мама помогала?
- В кабинет вошла женщина с кипой бумаг для подписи. Катерина жестом попросила ее подождать,
- Хорошо, - сказала она. Взглянула на записи. - Встретимся, где мне удобнее. На Суворовском, без пятнадцати шесть. У меня будет пятнадцать минут. Извини, все, у меня дела. - И Катерина положила трубку.
- Рачков ожидал Катерину с цветами. Он вскочил со скамейки, когда она подошла, и протянул розы. Катерина села и отложила цветы на край скамьи.
- Послушай, зачем тебе все это надо? - сходу начала Катерина. - Я люблю другого человека, я собираюсь за него замуж, я бы могла, конечно, сказать, что я замужем, но ты, как я понимаю, за это время собрал обо мне довольно много информации. И потом, я действительно не понимаю, чего ты хочешь от меня?
- Я хочу видеть свою дочь, - сказал Рачков.

- Ну почему ты думаешь, что это твоя дочь? - спросила Катерина. - Вот это твой сын? - Она кивнула на проходившего мимо них парня лет шестнадцати.

- Нет, это не мой сын!

- Почему не твой? Давай мы сейчас его подзовем, расспросим о его матери, и, может быть, ты вспомнишь, что лет семнадцать назад ты имел что-то с его матерью. Молодой человек! - крикнула она. - Подойдите сюда, пожалуйста!

- Прекрати, - возмутился Рачков.

Катерина сидела в приемной министра.

- Пожалуйста, товарищ Тихомирова, - пригласил ее помощник. Министр вышел из-за стола, и они сели в кресла.

- Что на этот раз будете выбивать из меня? - спросил министр.

- Как ни странно - ничего, - улыбнулась Катерина. - Только один вопрос, можно?

Министр внимательно посмотрел на Катерину.

- Ким Семенович, правда, что вы поддерживаете Павлова из головного НИИ? - спросила Катерина.

- А если правда? - Министр насторожился.

- Тогда очень жаль, - сказала Катерина. - Павлов сегодня устарел, как и его установка. Через три года, когда она войдет в серию, мы отстанем от японцев на пять лет.

- Что вы предлагаете? - усмехнулся министр.

- Начать монтаж реактора Виктора Шапкина, простите, Виктора Ивановича Шапкина.

- У Шапкина только опытный экземпляр, - возразил министр.

- Испытаем опытный, а доводку будем делать прямо на серийных вариантах. Спокойной жизни у нас не будет, но зато мы выиграем года два.

- И, разумеется, вы заберете Шапкина с группой в СКВ объединения? спросил министр.

- Разумеется, - улыбнулась Катерина.

- Я не возражаю...

- Спасибо. - И Катерина поднялась.

- Подождите, - попросил министр. - Я хотел бы, чтобы вы поняли следующее: Павлов многое сделал как ученый и еще многое сделает. Устарел не Павлов, а его окружение, которое вовремя не предупредило его, что он ошибается, а это может случиться с любым руководителем и со мной тоже...

- С вами пока все в порядке, - заверила его Катерина. - Как только появятся первые признаки, я вам об этом тут же сообщу.

- Спасибо. Но не думайте, что я этому очень обрадуюсь. Как здоровье вашего отца?
- Он умер шесть лет назад.
- Как?! - Изумился министр. - Академика Тихомирова я видел месяц назад.
- А мы с академиком Тихомировым очень неблизкие родственники. Из одной деревни, только он уехал оттуда на сорок лет раньше. А вообще у нас в деревне почти все Тихомировы или Буяновы.
- Вообще-то я сомневался, что вы дочь Тихомирова, - признался министр.
- Не слишком тонка в обращении для такой интеллигентной семьи? спросила Катерина.
- Нет, - рассмеялся министр. - Просто слишком напористы. А знаете, Катерина, вы почти эталон преимуществ Советской власти. Приезжает девочка из деревни и становится директором крупнейшего комбината в Москве.
- Правда, на это ушло двадцать лет. Но в принципе, как я убедилась сама, у нас можно добиться почти всего, чего хочешь.
- Скажите, Катерина, - вдруг спросил министр. - Вы счастливы?
- Наверное, счастлива...
- Я не знаю вашего мужа. Он из нашей системы?
- Я не замужем, - просто ответила Катерина. - С этим не получилось. У нас, если хочешь, можно стать директором комбината, даже министром, а вот чтобы выйти замуж, желания одного человека недостаточно. Здесь даже преимущества Советской власти не помогают.
- Простите, - сказал министр. - Странное какое-то время. Я замечаю, что сегодня, как никогда, много одиноких мужчин и женщин. Может быть, мы стали слишком требовательны друг к другу? Или разучились прощать, а?
- Не знаю, - произнесла Катерина.
- Вечером Катерина вела прием избирателей.
- Вошла средних лет женщина, села напротив нее и заплакала.
- Перестань, - сказала Катерина, - Слезами ничему не поможешь. Пришла на прием к депутату Моссовета - рассказывай.
- Я с мужем разошлась, - И женщина снова заплакала.
- Тоже мне беда, - презрительно сказала Катерина. - Кто сейчас не разводится. У меня знаковая пять раз разводилась и пять раз замуж выходила.
- Это женщину заинтересовало. Она вытерла слезы.
- Как - пять? - переспросила она.

- Вот так, - подтвердила Катерина. - Все не получалось. На пятый раз только получилось. А сейчас счастлива.

- У меня ребенок.

- А у нее два, - сказала Катерина. - Сейчас третьего родила, В чем проблема-то? С квартирой, что ли?

- С квартирой, - подтвердила женщина. - У нас двухкомнатная. Он хочет разменять. Куда же мне, а коммунальную? Девочке уже шестнадцать лет, к ней уже парни заходят. Да и я не старуха еще.

- Это уж точно не старуха, - подтвердила Катерина, но тут же спросила: - Но ему-то тоже где-то жить надо?

- А у него мать одна живет. Пусть к матери переезжает, Площадь позволяет. Тоже двухкомнатная. Мать одна живет, отец у него умер.

- Ну, а он что? - спросила Катерина.

- Не хочет. - Женщина снова начала всхлипывать. - И милиция не прописывает, раз у него площадь есть.

Катерина сделала пометку; прописка, милиция.

- Вот мой телефон на работу. - Она протянула женщине листок. Позвони в среду. Я в милиции поговорю.

- Я уже говорила в милиции, С ними не договоришься

- Еще чего, - не согласилась Катерина. - С американцами договариваемся, а уж со своей милицией найдем общий язык.

- С американцами, может, и можно, а с нашей милицией невозможно. Мои соседи советуют Генеральному прокурору написать, а копию - в Верховный Совет и в Политбюро.

- Ну да, - сказала Катерина. - Ты с мужем поругалась, и по этому поводу сессию Верховного Совета собирать? Вот тебе телефон. позвони в среду прямо ко мне на работу.

Гога смотрел телевизор. Смотрел с удобствами. Перед ним стояло пиво и тарелка с креветками. Шел хоккейный матч.

Из передней доносился разговор на повышенных тонах. Гогу это отвлекало. Он приглушил звук и прислушался.

- Я поеду с тобой, - требовала Александра, - И все им выскажу.

- Ты никуда не поедешь, - возражал Никита. - Я сам разберусь,

- Нет, я поеду.

- Нет, не поедешь,

Гога вышел в переднюю.

- Куда едем? - спросил он.
- Никуда, - отрезала Александра.
- Правильно, - подтвердил Гога. - Уже поздно. Поедешь завтра.
- До свидания, Георгий Иванович. - Никита проскользнул мимо Александры и захлопнул дверь.

Александра начала лихорадочно собираться.

- Я поеду с тобой, - сказал Гога. - Только объясни, в чем дело?
- Его бьют, - выпалила Александра.
- За что? - спросил Гога.
- За меня.

Гога взял ее за руку, привел в комнату, усадил в кресло и сам сел напротив.

- Коротко и внятно, - приказал он.
- Я раньше дружила с Валеркой Копыловым, даже и не дружила, так, несколько раз целовались, а потом в меня влюбился Никита.
- А ты? - спросил Гога.
- И я тоже. Я его очень сильно люблю. Так теперь Копылов с ребятами его бьют. Подкарауливают и всячески издеваются требуют, чтобы он от меня отказался.
- А он? - спросил Гога.
- Он с синяками приходит.

- Значит, не отказывается. Поехали!

- Их семь человек, - предупредила Александра. - Все ребята здоровые. Я хотела в милицию сообщить, мама запретила, говорит, что сами должны разобраться. Я говорила с Копыловым, объяснила что не люблю его, а они все равно подкарауливают Никиту.

- Где? - спросил Гога.

- На Лаврушенском, где он живет, в проходных дворах.

- Семеро, говоришь? - Гога задумался и принял решение. Он набрал номер телефона...

По переулку шел Никита. За ним по противоположной стороне улицы трое мужчин и Александра. И вдруг Никита исчез. Его втянули во двор.

Никита стоял в окружении семерых высоких и плотных парней, Трое его держали, четвертый снимал с него ботинки. Сняв ботинки, он перекинул их через невысокую стенку, разделяющую дворы соседних домов. Туда же полетела и кепка Никиты.

- Ты подумал? - спросили Никиту.

- Подумал, - ответил Никита.

- Ну что? - спросили его,

- Нет, - ответил Никита. - Вы подонки.

Никиту подтолкнули. Он отлетел к другому парню, и тот с силой оттолкнул его обратно. Щуплый Никита бросился на одного из парней и тут же отлетел в сторону.

Гога с сопровождающими вошли во двор. Трое мужчин легко вошли в круг. Гога подошел к Копылову, который снимал с Никиты ботинки, и резко дернул за рукав его пиджака. Пиджак соскользнул с плеч и сковал руки Копылова. Гога нагнулся, сдернул с ног Копылова ботинки и перебросил их через стенку, туда же полетел и пиджак Копылова. Ребята опешили.

- Вы что, деды? - неуверенно спросил один из них. - Шли бы вы к своим старушкам подброду,

Плотный Иван незаметно двинул плечом, и говоривший отлетел в сторону. Ребята бросились вперед. Мужчины мгновенно встали спиной к спине. Ребята насакивали и разлетались по сторонам. А еще через мгновение все семеро были прижаты к стенке. И тут вышла Александра,

- Добрый вечер, - сказала она нежно. - Разрешите вас представить друг другу. Это мои школьные друзья. А это мой отец. - Она показала на Гогу.

Тот галантно кивнул.

- На первый раз будем считать конфликт исчерпанным. Копылов, принеси одежонку свою и Никиты, - попросил Гога.

Копылов перелез через стенку и принес одежду свою и Никиты.

- Привет, ребята. До завтра. - Александра обаятельно улыбнулась.

И они двинулись обратно. Иван задержался и показал ребятам внушительный кулак.

- Видите? Сегодня ведь была просто разминка. Во мне лично сто двадцать кило, и я держал первенство по двадцать четвертой особой воздушной армии в тяжелом весе. Это я вам так, на всякий случай...

Александра и Гога шли по ночной Москве. Они прошли Большой Каменный мост и шли мимо Александровского сада. Справа ярко светились звезды на башнях Кремля.

- Гога, - спросила Александра, - мы маме об этом расскажем?

- Не надо, - сказал Гога.

- Но мне так хочется рассказать. Меня всю так

- Не надо, - сказал Гога.

- Но ведь вы поступили как настоящий мужчина!

- Перестань, - сказал Гога. - Я поступил как нормальный мужчина. Если надо защищать, мужчина это должен сделать. Это нормально. Ты же не будешь хвалить женщину, которая

постирала белье и сварила обед. Это нормально.

- Гога, а почему вы не стали учиться дальше? Вы бы смогли стать руководителем.

- А что, разве все должны быть руководителями? - спросил Гога.

- Ну не все, конечно, - согласилась Александра. - Но это дает личности возможность реализовать себя с наибольшей полнотой. Вот мама, например...

- Что - мама? - насторожился Гога.

- Мама так считает, - нашлаь Александра.

- Я думаю, единого решения здесь нет, - не согласился Гога. - Кому этого хочется, пусть будет, но ведь этого не всем хочется.

- Я думаю, этого всем хочется, - не согласилась Александра. - Все хотят быть знаменитыми, все хотят, чтобы их уважали, все хотят иметь больше возможностей, чем имеют, только не все в этом признаются.

- Давай разберем возможности. Возьмем моего начальника управления. Кстати, мы с ним учились в одном классе. Ты думаешь, он ест не тот же хлеб, что и я? Или не ту же колбасу? Или он дышит не тем же воздухом, что и я? Или он живет с какими-то особенными женщинами? Нет. Потому что, если любишь, твоя женщина лучше всех остальных, даже английской королевы. Какие еще возможности? Его возят на машине, а я езжу на автобусе. Так у него уже был инфаркт, а у меня нет. Знаменит ли он? Да его в лицо даже не все в управлении знают. Главное, Александра, не в этом, главное - быть счастливым.

- А что такое счастье? - спросила Александра.

- А это каждый понимает по-своему.

- А как понимаете вы? - спросила Александра.

- Я понимаю как свободу и уважение.

- Не понимаю, - сказала Александра.

- Как же тебе объяснить? - задумался Гога. - Вот я слесарь. Таких единицы. Я и вправду специалист экстракласса. Я могу то, чего не могут другие. Я-как Роднина и Зайцев на льду. Они могут то, чего не могут другие.

Александра улыбнулась.

- А ты не смейся, - сказал Гога. - Вот Алексеев поднимает штангу в четыреста пятьдесят кило, а другие не могут. Его знает весь мир. А меня знает весь институт. Масштабы не так уж важны, У меня приятель Мишка Линьков. Он кройщик экстракласса. К нему очередь на три месяца. Я считаю, что он великий человек, потому что его уважают. И это счастье.

- Вас послушать, так можно и в институт не поступать, - сказала Александра. - За три месяца выучилась на портниху и - сиди шей.

- Ну, я тебе скажу, на простого инженера легче выучиться, чем на хорошую портниху. Как ты это не понимаешь? Не в этом же главное. Скажи, вот ты Никиту любишь?

- Люблю, - сказала Александра,

- Люблю, - сказала Александра,

- А вот если он не станет инженером, а будет простым таксистом, ты что, его будешь меньше любить?

- Конечно, не меньше, - возмутилась Александра, - Но инженер как личность все-таки интереснее. У него кругозор шире.

- Ну, ты не права, - не согласился Гога. - У таксистов кругозор больше, чем у кого другого. Ты поговори с ними. Они за день такого наслушаются! А что инженер? Ну, придет с работы и будет тебе рассказывать о швеллерах, о балках или как раствор не подвезли...

Александра не выдержала и рассмеялась.

- Ты чего? - спросил Гога.

- Ничего, - сказала Александра. - Мне ужасно с вами интересно. Выходит, вы счастливый человек.

- Я счастливый, - подтвердил Гога. - Я люблю свою работу, своих друзей, Москву, твою мать. Кстати, твоя мама тоже не достигла чего-то сногшибательного. Ну и что, если она простая работница, я ее от этого люблю совсем не меньше.

Александра посмотрела на Гогу. Тот улыбался оттого, что у него все прекрасно. И Александра задумалась.

Катерина, Александра и Гога ужинали вместе.

- Этого не надо было делать, - вдруг сказала Катерина. Гога, не понимая, смотрел на Катерину.

- Я ей все рассказала, - призналась Александра. - Извини, я не утерпела.

- Она же достаточно взрослый человек, - сказала жестко Катерина. - И сама должна решать такие вопросы. А кулачная расправа - это не метод, ударить можно и словом. Это иногда больнее.

- А если слов не понимают? - спросила Александра.

- Значит, плохо объяснила, значит, дала повод думать, что может быть и по-другому. Если ты любишь Никиту, зачем кокетничать с Копыловым? Возражений не принимаю, потому что я это видела сама. Но как мог ты, взрослый мужчина? - возмутилась Катерина. - Теперь эти мальчишки и думать будут-прав тот, кто сильнее.

- Нет, - сказал Гога. - Теперь они будут думать, что против любой силы всегда могут найтись силы более мощные.

- Во всяком случае, - резко сказала Катерина, - в будущем такие действия уж будь любезен без моего разрешения не принимать.

- Слушаюсь, - тихо ответил Гога и медленно заговорил: - Но тогда и ты учти на будущее, что если еще раз позволишь себе заговорить со мной в таком тоне, то я здесь больше никогда не

появлюсь. Заодно уж знай, что решать я всегда буду сам, и вообще хотел бы, чтобы старшим в доме был я. На том простом основании, что я мужчина.

И тут позвонили в дверь.

- Это только к тебе могут быть, - сказала Катерина дочери.

Александра пошла открывать дверь.

В кухню вошел улыбающийся Рачков с букетом цветов и свертком.

- Здравствуйте, - сказал он.

Александра стояла рядом с ним, они были похожи.

- Здравствуйте, - сказал Гога, потому что Катерина молчала.

- Катерина Александровна, - сказал Рачков, - вы меня представите или мне представляться самому?

- Это Рачков, - сказала Катерина и все-таки добавила: - Родион Петрович, телевизионный оператор с Останкино. Мой давний знакомый. Настолько давний, что, встретив, не узнал.

- Но, может, это не его вина, - сказала Александра. - Может быть, ты так изменилась.

- Может быть, - сказала Катерина.

- Вам понравилась передача? - спросил Рачков.

- Понравилась, - сказала Александра. - Особенно один момент, где женщина быстро-быстро подкрашивает губы, чтобы успеть попасть в кадр. Остальное лабуда.

- Вы не правы. Передача в целом получилась. А Катерина Александровна была просто прелестна.

- Какая передача? - удивился Гога. - Тебя что, снимали на телевидении?

- Да ерунда, - отмахнулась Катерина, соображая, как бы перевести разговор с этой опасной темы.

- Почему же ерунда? - даже обиделся Рачков. - Вы очень понравились нашему руководству как настоящий современный руководитель. Даже есть мысль сделать про вас документальный фильм. Тем более, у вас биография такая замечательная - от простой работницы до директора комбината.

- Кто директор-то? - не понял Гога.

- Катерина Александровна, конечно, - сказал Рачков.

Гога поймал испуганный взгляд Катерины и вдруг все понял.

- Да, конечно, - сказал он и спросил у Рачкова: - А вы давно на телевидении работаете?

- Скоро серебряный юбилей буду справлять.

- Значит, вы у самых истоков стояли? - заинтересовалась Александра.
- Ну, не то чтобы у самых, и тем не менее вовремя разглядел что телевидению принадлежит будущее, А со временем оно же просто перевернет жизнь человека. Не будет газет, журналов, книг, кино, театра.
- А что же будет? - спросил Гога,
- Телевидение, одно сплошное телевидение.
- Это просто дурацкое недоразумение, - сказала Катерина.
- Я понимаю, - сказал Гога.
- Кстати, - спросил Рачков Александру, - вы были на телецентре?
- Нет, конечно.
- Приходите завтра же,
- А как?
- Я закажу пропуск.
- Что-то я паршиво себя чувствую, - сказал Гога, вставая. - Поеду домой, спать лягу пораньше.
- Останься. - Катерина встала, - Надо поговорить.
- Поговорим, поговорим, - пообещал Гога.
- Катерина загородила ему дорогу.
- Никуда я тебя не пущу,
- У нее сегодня плохое настроение, - пояснил Гога Рачкову, отодвигая Катерину в сторону. - С нею в данный момент лучше не связываться. Пока.
- И вышел. Катерина села.
- Он больше не придет, - сказала она и сникла.
- Почему? - не понял Рачков.
- Господи, откуда же ты взялся? - всхлинула Катерина. - Ты мне одни только несчастья приносишь.
- Да что я сделал-то? - недоумевая, спросил Рачков.
- Катерина вытерла слезы и сказала Александре:
- Кстати, познакомьтесь.
- Мы уже познакомились с Родионом Петровичем, - сказала Александра.
- Ты еще раз познакомься. Это твой отец.

- Как - отец? - не поняла Александра. - Он же погиб.

- Да нет, как видишь, жив, здоров и даже довольно упитан.

На комбинате пускали установку. Лохматый парень в последний раз проверял схему. Здесь же была Катерина.

- Начнем? - И парень почти серьезно перекрестился.

- Начнем, - сказала Катерина и зашептала: - Если без брака, все у меня будет хорошо и он сегодня приедет, если брак, то все кончено.

- Что? - Парень почти наклонился к Катерине, чтобы расслышать, что она говорит,

- Девай, - крикнула Катерина.

Включили тумблер. Под стеклянным колпаком стремительно завертелось сверкающее синтетическое месиво. Месиво распухло, заполнило весь гигантский колпак и бросилось к отводным стеклянным шлангам. На мгновение оно исчезло и появилось сверкающим веером нитей,

- В пределах нормы, - крикнул парень. - Идет. В прошлый раз уже здесь был брак.

- Ура! - завопила Катерина и бросилась через зал к столику инженера смены, на котором стоял телефон. Катерина набрала номер.

- Звонил? - спросила она. - Не выходила, значит? - Катерина положила трубку на рычаг и медленно, ссутулив плечи, пошла к выходу из цеха...

Из цеха вышла усталая, средних лет женщина. Во дворе у ведерка, врытого в землю, курили молодые парни. Она присела рядом, закурила, и парни, будто почувствовав, что директорисе надо побыть одной, тихо поднялись и пошли в цех.

Вечером она была в милиции и разговаривала с пожилым майором, начальником паспортного стола.

- Но ведь если они разменяют квартиру, она со взрослой дочерью окажется в одной комнате в коммунальной квартире, - доказывала Катерина.

- Другого выхода нет. - Майор развел руками. - Квартиру они получили на двоих. И он имеет такое же право, как и она, В конце концов, ему тоже надо где-то жить. Он получает сто двадцать рублей и не в состоянии снимать квартиру.

- Пропишите его к матери.

- Он ушел из дому более двадцати лет назад, поссорившись с родителями. И он не хочет жить с матерью, и, главное, его мать не хочет.

- Он что, псих? - удивилась Катерина. - Ни с кем жить не хочет - ни с матерью, ни с женой. Половина дел, которые я разбираю как депутат, - это квартирные. Когда мы только эту проблему решим?

- Никогда; - спокойно сказал майор.

- Это почему же?

- Раньше каждая семья хотела получить хоть однокомнатную, но отдельную квартиру, потом не меньше, чем двухкомнатную, сейчас все хотят, даже не хотят - требуют, только трехкомнатные.

Людмила, Антонина и Николай подъехали к дому Катерины. Потом большой совет заседал на кухне. Катерина плакала.

- Перестань, - грубовато потребовала Людмила. - Москва слезам не верит. Тут не плакать, а действовать надо.

- Согласен, - вступил в разговор Николай, - Попробуем разобраться спокойно. Ты его любишь?

- Люблю, - сквозь слезы ответила Катерина.

- Он тебе делал предложение?

- Почти что сделал...

- Почти не считается, - отрезала Людмила,

- Ну он хоть звонит? - спросил Николай.

- Сейчас не звонит и не приходит.

- Может, есть смысл подождать? - предположил Николай,

- А он возьмет да уедет куда-нибудь, - сказала Катерина. - Где его тогда искать?

- А у тебя были с ним близкие отношения? - спросила Людмила.

- Были...

- Были, не были, какое это сейчас имеет значение?! - оборвал ее Николай.

- Были...

- Были, не были, какое это сейчас имеет значение?! - оборвал ее Николай.

- А ты поумнел, - удивилась Людмила.

- Мне нужны все адреса, где его можно найти. Меня ждите у Катерины...

Николай надел пиджак, проверил, есть ли сигареты и деньги и молча вышел из квартиры.

Гога сидел в полном одиночестве у себя в комнате. Он пил.

Дверь толкнули, не стучась вошел Николай. Гога осмотрел его и жестом пригласил к столу, Николай сел.

Гога ему налил водки. Николай выпил,

- Гога. - Гога протянул руку Николаю.

- Николай. - Они пожали друг другу руки.
- Как погода? - поинтересовался Гога.
- С утра был дождь, - ответил Николай.
- Что происходит в мире? - спросил Гога, наливая.
- Стабильности нет, - ответил Николай. - Террористы захватили самолет компании Эр-Франс.
- Это нехорошо, - подтвердил Гога. - Террор - это не метод борьбы.

Соседки по коммунальной кухне готовили обед, а из комнаты Гоги доносилось хоровое пение. Мужчины пели;

"По Дону гуляет, по Дону гуляет,
По Дону гуляет казак молодой".

Соседки также слышали разговор на высоких тонах.

- Нет! - выкрикивал Гога. - Этого прощать нельзя! Это подлый обман!
- Правильно, - соглашался Николай. - Но надо внести ясность и поставить точки над "и",
- Не хочу никаких точек, - сопротивлялся Гога.

Женщины сидели на кухне у Катерины, когда вошли Николай и Гога.

- Я сейчас, - сказала растерянно Катерина, и они с Гогой прошли в ее комнату.

И наступила тишина. Ожидающие ничего не слышали, и Людмила заволновалась,

- Может, он ее уже пристукнул?

- Она сама кого хочешь пристукнет, - сказал Николай. - Успокойтесь, заверил всех он. - Она выйдет с результатом.

- С каким? - спросила Людмила.

- С каким - не важно, - сказал Николай. - Важно, что с определенным. Разговор, я думаю, будет долгим, поэтому я попросил бы какой-нибудь еды.

- А ты что, пил и не закусывал? - спросила Антонина.

- Не было закуски, - сказал Николай. - Но вообще-то пора уже и обедать.

И тут вышли Катерина и Гога.

- Пересядьте, пожалуйста, обычно здесь сижу я, - попросил Гога Людмилу.

- Я, между прочим, раньше тебя здесь сижу. Скоро как десять лет, ответила ему Людмила.

- С сегодняшнего дня это отменяется. Теперь здесь буду сидеть я.

Гога занял место во главе стола,

- Прошу всех к столу, - пригласил Гога.

- Да нет, - сказала Антонина, - нам пора. - И, посмотрев на Людмилу и Николая, начала подталкивать Николая к двери.

Но Николай все-таки прорвался к Гоге.

- Предлагаю дружить домами, - предложил он.

- Принимаю предложение, - ответил Гога, - и выдвигаю встречное дружить семьями.

- Интересная мысль, - обрадовался Николай, но Антонина уже вывела его в коридор.

Катерина налил суп и молча сквозь слезы смотрела, как Гога ест.

- Ты чего? - удивился Гога.

- Как долго я тебя искала, - сказала Катерина.

- Восемь дней, - подумав, ответил Гога.

- Нет, - не согласилась Катерина и повторила:

- Как долго я тебя искала...

Был поздний вечер. Москва светилась миллионами своих окон. И за каждым из этих окон продолжалась жизнь...

Фильмографическая справка.

Производство киностудии "Мосфильм", 1979.

Автор сценария В. Черных. Режиссер В. Меньшов. Оператор И. Слабневич, Художник С. Меняльщиков. Композитор С. Никитин. Тексты песен Д. Сухарева, Ю. Визбора, Ю. Левитанского.

Главные роли исполняют: Вера Алентова (Катерина Тихомирова), Ирина Муравьева (Людмила), Раиса Рязанова (Антонина), Алексей Баталов (Георгий Иванович - Гога), Наталья Вавилова (Александра), Юрий Васильев (Родион Рачков), Борис Сморгчов (Николай), Олег Табаков (Виктор Сергеевич).

В других ролях: Лия Ахеджакова, Владимир Басов, Татьяна Конюхова, Иннокентий Смоктуновский, Виктор Уральских, Зоя Федорова, Евгения Ханаева, Валентина Ушакова, Виктор Незнанов, Леонид Харитонов, Георгий Юматов и другие.